

ГОРОД НА ЛИНИИ ОГНЯ

ТИМОФЕЙ АРСКИЙ

Тимофей Арский

Город на линии огня

<https://litres.ru/74635869>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спасатель Илья Ратников приходит в себя под осаждённым Равелем — городом, который две армии считают удобной жертвой. Его знания помогают жителям наладить сигналы, носилки, тушение пожаров и эвакуацию, но ни один приём не работает без местных мастеров, их материалов и права остановить опасную работу.

Полководец Кайр Дорн готов сжечь нижние кварталы и обрушить водный мост вместе с мирными людьми, лишь бы задержать врага. Под мостом скрыта минеральная жила, способная вернуть Илью домой. Чтобы город перестал быть расходным препятствием на чужой карте, спасателю придётся выбрать между прежней жизнью и людьми, которые научились держать общую верёвку.

«Город на линии огня» — приключенческое фэнтези о попаданце, осаде, спасательной работе и сообществе, которое не ждёт единственного героя, а учится спасать себя.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Чужой завал	5
Глава 2. Город между армиями	26
Глава 3. Верёвка с узлами	38
Глава 4. Носилки гончара	59
Глава 5. Приказ Кайра Дорна	78
Глава 6. Три удара в колокол	101
Глава 7. Вода ниже площади	122
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Тимофей Арский

Город на линии огня

От автора

В книгах о попаданцах знание другого мира часто выглядит готовым преимуществом. Но спасательная работа устроена иначе: правильная мысль бесполезна без людей, которые знают здешний камень, верёвку, воду и цену ошибки.

Этот роман — о городе, который две армии считают удобным препятствием, и о жителях, отказавшихся быть расходным материалом. Здесь не один человек спасает всех. Он приносит опыт, ошибается, учится слушать и помогает соединить уже существующие умения.

Каждое решение в Равеле имеет вес: сколько воды осталось, выдержит ли балка, кто держит другой конец каната и согласен ли тот, кого собираются спасать. Поэтому главная линия книги проходит не по стене крепости, а между властью решать за людей и общей ответственностью, которую люди берут сами.

Глава 1. Чужой завал

Первым вернулся звук.

Камень постукивал о камень где-то совсем рядом, будто в темноте терпеливо перебирали костяшки. Потом донёсся протяжный скрип дерева. Илья ещё не открыл глаза, а тело уже узнало этот звук: стойка принимала вес, которого не должна была принимать.

Он вдохнул и сразу закашлялся. Во рту хрустел песок. Левая щека лежала на холодной крошке, правое плечо прижимало чем-то тяжёлым. Воздух пах сыростью, пылью и незнакомой горечью, похожей на дым от мокрой коры.

Не двигаться.

Это было не решение, а привычка, вколоченная десятилетиями учебных завалов. Сначала понять, чем держится пространство. Потом проверять себя. Потом остальных. Паника любит человека, который начинает спасаться раньше, чем узнает, от чего.

Илья открыл глаза. Темнота не изменилась.

Он пошевелил пальцами ног. Правые отозвались сразу, левые — с задержкой, но без боли. Сжал и разжал кисти. Лево́й ладонью упёрся в землю, правую руку мешал поднять обломок. Плечо ныло, локоть двигался. Каска сидела криво, подбородочный ремень резал шею.

Последнее, что он помнил, было учебной штольней под

Екатеринбургом. Инструкторский обход перед тренировкой, белая линия разметки на стене, мокрый блеск анкерov. Потом удар, от которого погасли фонари, и пол ушёл вниз. Илья успел крикнуть в рацию одно слово — «Выход!» — но собственного голоса уже не услышал.

Он нащупал грудь. Куртка, карабин на петле, свисток, складной нож. Рации не было. Фонарь на каске тоже исчез, крепление оказалось пустым. На шее под одеждой висел стальной жетон — подарок от старого отряда после его со- того выезда. Всё остальное тело вроде бы осталось при нём.

Илья медленно провёл ладонью над лицом. Сверху, в ладони от носа, нависала шершавая плита. Справа лежала расколотая балка. Она и прижимала рукав, не само плечо. Он осторожно вытянул руку. Дерево снова за скрипело.

Илья замер.

Стук прекратился.

— Есть кто живой? — спросил он негромко.

Из-за стены донёсся короткий всхлип. Затем мужской голос произнёс несколько быстрых слов. Они были чужими, но смысл странным образом сложился в голове раньше, чем Илья успел удивиться.

— Не бей больше, — сказал он. — Слышишь меня? Не бей по камню.

— Слышу. Кто ты?

— Пока человек под завалом. Сколько вас?

Молчание длилось долго. Мужчина за стеной дышал тя-

жело, со свистом.

— Здесь трое. Я, мальчик и госпожа Рейн. Она не отвечает.

— Мальчик дышит?

— Плачет.

— Значит, дышит. Как тебя зовут?

— Орс.

— Орс, слушай внимательно. Ничего не вытаскивай и не раскачивай. Положи руку женщине на грудь. Чувствуешь движение?

Послышалось шуршание, потом тихий детский крик. Каменная крошка посыпалась Илье на каску.

— Медленнее, — предупредил он. — Здесь всё держится друг за друга.

— Дышит, — ответил Орс. — Слабо.

— Есть кровь?

— На волосах. Не вижу, темно.

Илья едва не спросил, почему у них не включены аварийные лампы. Вовремя остановился. Ни ровного гула вентиляции, ни запаха кабеля, ни далёкого сигнала техники не было. Даже балка под рукой казалась не пропитанной шахтной стойкой, а просто тесаным бревном.

Он поднял голову насколько позволяла плита и заметил впереди тусклую рыжую точку. Не лампа — пламя. За грудой камней дрожал огонёк, слишком открытый для подземной выработки.

— Орс, у вас огонь?

— Светильник госпожи Рейн. Почти погас.

— Погаси совсем.

— Тогда мы ничего не увидим.

— Зато не съедим остаток воздуха и не устроим пожар.

Погаси.

Орс выругался, но послушался. Рыжая точка исчезла. Темнота стала полной, зато через несколько вдохов Илья различил слабое движение воздуха по левой щеке. Тянуло откуда-то снизу.

Он принялся ощупывать вокруг себя. Под коленом лежал моток тонкого каната. Не его. Волокна были грубыми, липкими от сырости. Рядом нашёлся деревянный обломок длиной от локтя до кончиков пальцев и плоский камень. Пространство впереди сужалось, но внизу оставалась щель, откуда и шёл воздух.

— Орс, где мы были до обвала?

— В нижней штольне. Под старой чашей.

— Шахта?

— Какая шахта? Водники искали трещину. После первого удара госпожа Рейн спустилась за ранеными. Потом ударило ещё раз.

— Кто такие водники?

— Ты головой ударился?

— Возможно. Отвечай.

— Люди водного двора. Чистят ходы под чашами.

Не его штольня. Не его люди. И речь, которой он не знал, но понимал. Объяснять это сейчас было всё равно что обсуждать происхождение дождя во время наводнения.

— Вы знаете другой выход?

— Ход к лестнице завален. Есть сбросной лаз, но он узкий. За стеной, где ты.

Илья ощупал плиту над головой ещё раз. Кладка была из длинных плоских камней на растворе. Часть свода просела и легла на две балки крестом. Пространство возле него образовалось случайно: один конец толстой стойки зажало в стене, другой упёрся в обломок свода. Если стойка уйдёт, плита опустится сразу.

— Что обрушилось первым? — спросил он.

— Потолок над лестницей.

— Вода идёт?

— Капает. Пока только капает.

Пока. Водная штольня, старые чаши, удары. Значит, кроме повторного обрушения мог прийти поток.

Илья снял с петли карабин и привязал к нему конец найденного каната. Узел затянулся плохо: мокрое волокно расползалось под пальцами. Он сделал двойную петлю, проверил рывком и пополз к щели. Плита царапнула каску. За ней оказался карман выше прежнего, но путь преграждала куча обломков.

— Я сейчас попробую передать вам верёвку, — сказал он.

— Не тяните, пока не скажу.

— Зачем?

— Узнаю расстояние и направление. А потом вы по ней передадите мне то, что у вас есть.

Он бросил карабин в узкий просвет между камнями. Металл звякнул один раз, второй, застрял. Илья подтянул и бросил снова, чуть левее.

— Здесь! — крикнул мальчик.

— Не трогай! — одновременно сказали Илья и Орс.

Карабин шевельнулся.

— Я только взял, — обиженно сообщил мальчик.

— Молодец, что нашёл. Теперь отдай Орсу. Как тебя зовут?

— Лин.

— Лин, твоя работа сейчас — сидеть там, где сидишь, и говорить, если вода дойдёт до твоих сапог. Справишься?

— Она уже у подошвы.

Илья прижал лоб к камню. Времени стало меньше.

— Орс, что у вас есть из дерева?

— Ящик лекарки. Две жерди от носилок. Лестница сло-мана.

— Толщина жердей?

Орс не понял вопроса. Илья попросил обхватить жердь пальцами и сказать, сходятся ли большой и средний. Не сходились. Хорошее дерево, примерно с запястье толщиной.

— Привяжи одну жердь к канату. Поперёк, двумя петлями, чтобы не ушла. Я протяну.

— Госпожу надо вытаскивать, а ты просишь дерево.

— Если начнём с неё, свод может лечь на всех. Сначала сделаем так, чтобы он не лёг.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что уже лежал под такими. Привязывай.

Верёвка натянулась. Илья подтягивал медленно, освобождая жердь после каждого зацепа. Камни шуршали, один раз сверху сухо щёлкнул раствор. Он остановился, дождался тишины и продолжил. Наконец пальцы встретили гладкое дерево. Жердь была не круглой, а чуть сплюснутой, с вырезанными на концах пазами.

Неподходящая подпорка тоже могла убить. Поставить её прямо под плиту — значит собрать весь вес на тонком конце и расколоть дерево. Нужны были опорные площадки.

Илья выбрал два плоских камня, проверил каждый рукоятью ножа: один звенел чисто, другой отозвался глухо и раскололся после второго лёгкого удара. Годился первый. Вторую площадку он сделал из обломка балки, срезав труху до плотной древесины.

Тесный карман не позволял поднять жердь стоймя. Пришлось завести её нижним концом в углубление, упереть плечом и медленно разворачивать. На середине она застряла.

— Орс, мне нужна вторая жердь. И ещё верёвка, если есть.

— Верёвка на госпоже Рейн. Она привязалась перед спуском.

— Не снимай. Это её страховка. Ищи ремни, ткань, ручки

ящика.

Мальчик вдруг сказал:

— У меня пояс.

— Оставь пояс на себе.

— Он длинный. Мама велела два раза обматывать.

— Тогданими, но с места не сходи.

Через канат пришёл узкий кожаный ремень. Илья сделал из него петлю вокруг верхнего конца жерди, пропустил найденный обломок дерева и получил простой рычаг. Надавил. Жердь пошла вверх. Свод ответил низким стоном, будто весь холм над ними проснулся и повернулся во сне.

— Не двигаться! — крикнул Илья.

Пыль забила нос. Что-то тяжёлое прокатилось по плите и упало с другой стороны. Жердь дрожала в руках. Её нижний конец медленно полз по мокрому камню.

Илья отпустил рычаг, прижал стойку плечом и на ощупь подбил под основание деревянную плашку. Потом вторую. Нагрузка распределилась. Скрип стал тише.

— Теперь дайте вторую.

— Ты поставил одну? — спросил Орс.

— Поставил временно. Вторая будет держать, пока я разберу проход.

— А если не выдержит?

— Тогда первая даст нам несколько вдохов. Поэтому не спорь и работай.

Он сказал это жёстче, чем хотел. На выездах такой тон

иногда возвращал человеку руки и голову. Иногда заставлял возненавидеть спасателя. Ненависть под завалом была допустима, если человек продолжал делать нужное.

Вторую жердь протащили быстрее. Илья поставил её наклонно, расклинил камнем и связал обе стойки остатком каната. Конструкция не понравилась ему ни видом, ни звуком. В его мире за неё мастер на учениях выгнал бы всю группу из забоя. Но здесь не было ни телескопических стоек, ни распорных рам, ни даже пилы.

Зато появился выбор, какого минуту назад не было.

Илья вынул первый камень из завала. Небольшой, с ладонь. За ним лежал другой, затем комья раствора. Каждый обломок он передавал назад, укладывая вдоль стены, а не бросая под ноги. Через несколько минут пальцы наткнулись на доску.

— Орс, у вас перед лицом что-нибудь шевелится?

— Доска. Вижу щель.

— Не тяни её. Я освобожу края.

Вода уже не просто капала. Она журчала где-то под завалом, пока ещё тонкой струйкой. Лин сообщал о ней добросовестно: дошла до подошвы, закрыла край подошвы, стала холоднее.

— Лин, можешь поднять ноги на ящик?

— На ящике голова госпожи.

— Тогда сядь на сломанную лестницу, если она не под потолком. Орс поможет. Медленно.

Пока они двигались, Илья держал ладонь на доске. По ней передавалась каждая вибрация. Один толчок оказался сильнее остальных. Слева посыпалась крошка, но подпорки устояли.

— Всё, — выдохнул Орс. — Мальчик выше воды.

— Хорошо. Теперь опиши женщину. Что на ней, как лежит, где ноги?

— На боку. Плащ зажат камнем. Одна нога под лестницей. Верёвка уходит вверх, к кольцу.

— Голова запрокинута?

— Не знаю.

— Подбородок прижат к груди или лицо смотрит вверх?

— К стене. Она дышит, я слышу.

— Пока не трогай ногу. Расстегни плащ у шеи, если можешь, и убери с лица волосы. Только голову не крути.

Илья расширил щель настолько, чтобы просунуть руку по локоть. С той стороны его схватила маленькая холодная ладонь.

— Лин?

— Я здесь.

— Отлично. Отпусти меня и подай доску, которая перед тобой. Не тяни на себя — толкай ко мне.

Доска вышла внезапно. Илья едва успел отвести лицо. За ней открылся лаз шириной с плечи, но сверху нависал клиновидный камень. Он держался на двух меньших обломках. Убирать любой было нельзя.

Илья лёг на живот и посветил — нечем. Тогда Лин поднёс погашенный светильник, и Илья на ощупь исследовал край прохода. Воздух с той стороны был хуже: тёплый, влажный, с запахом крови.

— Орс, сколько воды сейчас?

— По щиколотку.

— Быстро прибывает?

— Быстрее, чем раньше.

Сначала нужно было вывести мальчика. Он пролез бы под клином, почти не задевая его. Потом — женщину, и вот это было хуже. Бессознательного человека нельзя было заставить стать уже, нельзя попросить выбрать опору. Орс, судя по голосу, тоже был ранен.

— Лин, ползи ко мне ногами вперёд.

— Я не брошу госпожу.

— Ты её не бросаешь. Ты освободишь место Орсу, а потом будешь держать мой канат. Это работа.

— Настоящая?

— Другой у меня нет.

Мальчик помедлил, затем в лаз показался сапог. Илья направил его ниже опасного камня, принял второй, взял Лина за пояс куртки и вытащил. Тот оказался худым, лет девяти, и дрожал так сильно, что стучали зубы.

— Сядь у дальней стены, — велел Илья. — Вот канат. Если я дёрну три раза, тяни к себе и кричи. Если один раз — ничего не делай.

— А два?

— Два — отвечай двумя, чтобы я знал, что ты здесь.

Лин немедленно дёрнул дважды.

Илья ответил. В темноте мальчик тихо сказал:

— Здесь.

Простая связь изменила пространство. Они больше не были отдельными голосами за камнем.

— Орс, теперь ты. Сначала скажи, где ранен.

— Рёбра. И плечо. Я не оставляю лекарку.

— Не оставишь. Переберёшься ко мне и примешь её с этой стороны. Там ты только мешаешь развернуть носилки.

— Какие носилки? Жерди у тебя.

— Значит, сделаем без них.

Орс ругнулся, но полез. Он был крупнее Ильи и на середине застрял плечами. Клиновидный камень над ним едва заметно опустился.

— Назад, — сказал Илья.

— Вода уже до середины голени.

— Назад. Повернёшься левым боком, нижнюю руку вытянешь вперёд. Выдыхай, когда скажу.

Орс отполз, развернулся. Илья просунул ремень Лина через лаз и сделал широкую петлю.

— Надень под мышки. Не на шею. Лин, готов держать?

— Готов.

— Два раза.

Мальчик ответил двумя рывками.

— На счёт три выдыхаешь и ползёшь. Мы тянем не сильно, только направляем. Раз. Два. Три.

Орс протиснулся с хриплым стоном. На нём была кожаная безрукавка, вся в известковой пыли. Правое плечо висело ниже левого, но рука сохраняла чувствительность. Илья усадил его рядом с Лином и быстро ощупал рёбра. Явной подвижности не было. Дыхание причиняло боль, но не становилось слабее.

— Теперь госпожа Рейн, — сказал Орс.

Вода за лазом плеснула громче, словно подтверждая.

Илья пролез в соседний карман сам. Здесь можно было встать на колени. В слабом свете, который Орс всё-таки зажёл на несколько мгновений, он увидел женщину в сером плаще. Ей было около тридцати пяти. Тёмные волосы слиплись от крови над виском, но грудь поднималась ровно. Лодыжку прижала поперечина сломанной лестницы, сверху на неё лёг камень.

— Свет гаси, — сказал Илья.

— Ты же ничего не увидишь.

— Уже увидел.

Он проверил шею женщины, провёл пальцами по затылку, плечам, рукам. На обращение она не отвечала, но от боли при нажатии на ноготь отдернула руку. Жива. Плащ мешал осмотру и мог зацепиться в лазе. Илья разрезал застёжку ножом, расправил ткань под телом.

Камень на лестнице был слишком тяжёлым, чтобы под-

нять руками. Рядом лежал короткий брус с раздвоенным концом. Илья подсунул под камень плоский обломок, вставил брус как рычаг и налёг всем весом. Камень приподнялся на толщину пальца.

— Орс, можешь работать левой рукой?

— Могу.

— Просунь жердь через лаз. Не ту, что держит свод. Вторую от носилок... Постой.

Обе жерди удерживали проход снаружи. Взять одну значило снова доверить весь свод единственной временной стойке.

Знакомое желание торопиться обожгло сильнее страха. На реальном выезде именно в такую секунду человек говорил себе: всего один рывок, всего полшага, я успею. Потом под завалом становилось на одного пострадавшего больше.

— Не жердь, — поправился Илья. — Подай обломок доски. Толстый.

Орс нашёл подходящий. Илья приподнял камень рычагом, Орс протолкнул доску, и Лин по его команде ударил по торцу плоским камнем. Доска вошла в щель и приняла вес. Илья добавил второй клин. Только после этого вытащил лестничную поперечину.

Лодыжка женщины была распухшей, но кость не прорвала кожу. Илья туго обмотал её полосой, отрезанной от плаща, и привязал к уцелевшей планке лестницы.

— Она лекарка, — сказал Орс, наблюдая из лаза. — Ты делаешь почти как она.

— Почти — опасное слово.

— Ты тоже лекарь?

— Спасатель.

Орс явно не понял разницы.

Чтобы протащить женщину через лаз, Илья связал края её плаща над грудью и бёдрами. Получилось подобие мягких носилок. Голову он уложил на собственное предплечье.

— Орс, принимаешь плечи. Лин держит канат и не тянет без команды. Если камень сверху двинется, вы оставляете нас и уходите по воздуху вниз.

— Куда?

— Туда, откуда тянет. Там сбросной лаз.

— Он закрыт решёткой.

— Почему раньше не сказал?

— Ты не спрашивал про решётку.

Илья стиснул зубы. Полезный урок: местные отвечали точно на заданное. Он пока не знал ни устройства этих ходов, ни того, что для них считалось очевидным.

— Решётка деревянная или металлическая?

— Бронзовая. Запирается со стороны канала.

— Потом. Сначала женщина.

Он подал её в проход ногами вперёд. Орс принял бёдра, подтянул. Ткань зацепилась за острый край. Илья освободил её, продвинул ещё на ладонь. Клиновидный камень коснулся плаща и тихо хрустнул.

— Стой.

Все замерли. Даже вода будто стала слышнее.

Камень держался. Илья опустил голову женщины ниже, повернул её плечи по диагонали.

— Теперь.

Орс потянул. Лин, забыв запрет, тоже ухватился за плащ. Втроём они протащили лекарку под клином. Когда её голова оказалась снаружи, Илья выдохнул впервые за долгую минуту.

Он полез следом. В этот миг где-то далеко прогремел удар.

Не обвал — слишком глухо и протяжно. После него по земле прошла дрожь. С потолка посыпалась пыль, стойки застонали, а из-за стены донёсся нарастающий рёв воды.

— К решётке! — крикнул Орс.

Илья выбрался из лаза и подхватил женщину под плечи. Орс взял её за бёдра здоровой рукой. Лин пополз впереди, ведя ладонью по стене.

Проход опускался. Холодная вода сначала доходила до щиколоток, потом до колен. Поток толкал сзади, тащил щепки и каменную крошку. Илья несколько раз ударился каской о свод. Они свернули за выступ, и впереди забрезжил серый свет.

Бронзовая решётка перекрывала отверстие размером с окно. За ней бурлила вода открытого канала, а выше виднелась полоска дождливого неба.

Лин вцепился в прутья.

— Заперто!

Замок был не навесной. Толстая бронзовая задвижка входила в паз стены снаружи. Илья просунул нож, но до язычка не достал. Прутья сидели в камне прочно, петли скрывались под водой.

— Здесь должны открывать водники, — сказал Орс. — Они услышат.

— После двух обвалов? Если снаружи есть люди, они могут не знать, где мы.

Илья достал свисток и дал три коротких сигнала. Звук ударился о камень и вернулся. Он подождал. Ответа не было.

Вода поднялась женщине до плеч. Илья с Орсом прижали её к наклонной стене, удерживая лицо над поверхностью.

— Ещё раз! — попросил Лин.

Илья снова свистнул. Теперь из канала донёсся едва слышный крик.

— Здесь! — завопил Орс. — Под чашей! Откройте сброс!

За решёткой мелькнула чья-то фигура. Потом другая. Люди снаружи навалились на задвижку, но та не сдвинулась.

— Камнем бейте по пазу! — крикнул Илья. — Не по решётке, по камню вокруг задвижки!

Ему ответил женский голос:

— Там крепёж залит свинцом!

— Тогда греть нельзя, мы в воде. Есть молот и зубило?

— Есть кирка.

— Бейте в шов над пазом. Снимайте по куску, не рубите весь край!

Удары начались сразу. Каждый отдавался в решётке. Илья заставил Лина отойти к стене, насколько позволяла вода. Орс бледнел. Его дыхание стало частым и мелким.

— Смотри на меня, — сказал Илья. — Вдох короче, выдох длиннее. Не набирай полную грудь.

— Я не боюсь.

— Я не про страх. Так рёбрам легче.

Женщина на плаще застонала. Её веки дрогнули.

— Госпожа Рейн! — Орс наклонился к ней.

— Не трясись.

Она открыла глаза. Взгляд был мутным, но быстро остановился на Илье.

— Кто?.. Где Лин?

— Здесь! — мальчик поднял руку, словно его могли не заметить в тесном лазе.

— Все живы, — сказал Илья. — У вас удар по голове и повреждена лодыжка. Не вставайте.

Женщина попыталась приподняться.

— Вода.

— Именно поэтому не тратьте силы.

Она ошупала собственный висок, затем повязку на ноге. Пальцы двигались уверенно.

— Ты наложил планку слишком туго.

— Пальцы тёплые, цвет в темноте не проверю. Ослаблю после выхода.

— Ослабь сейчас на ширину ногтя.

Илья послушался. Женщина едва заметно кивнула.

— Ада Рейн, лекарь нижнего двора.

— Илья Ратников, спасатель.

— Чей?

Ответить он не успел. Снаружи треснул камень, задвижка дёрнулась. В образовавшуюся щель хлынул поток из канала. Уровень в лазе подпрыгнул.

— Не открывать резко! — закричал Илья. — Нас прижмёт!

Он показал руками через решётку: немного, остановить-ся, ещё немного. Люди снаружи поняли. Задвижку вытаскивали короткими движениями. Когда край вышел из паза, решётка подалась внутрь на ладонь и упёрлась в напор.

— Орс, держишь Аду. Лин, к верхнему углу. Там течение слабее.

Илья нырнул, нащупал нижний край решётки и упёрся ногами в стену. Снаружи трое тянули. Бронза не двигалась. Тогда Ада, едва пришедшая в себя, сказала:

— Правая петля съёмная. Штырь вверх.

Илья снова ушёл под воду. Пальцы нашли толстый штырь с кольцом. Тот зарос зелёным налётом и не поддавался. Илья продел в кольцо свой карабин, в карабин — ремень Лина. Орс понял без объяснений, ухватился здоровой рукой. Они потянули вместе.

Штырь вышел на половину и застрял.

Вода поднялась Илье до подбородка. Лин висел на пру-

тях, поджав ноги. Ада держалась сама, но глаза снова закрывались.

— Ещё раз, — сказал Илья. — Не рывком. Тянем и держим. Раз, два, взяли.

Ремень натянулся. Кожа закрипела. Карабин впился в кольцо. Штырь медленно пополз вверх и вдруг вылетел.

Решётку развернуло течением. Илью ударило бронзовым краем в плечо и вынесло в канал. Он успел схватиться за каменный бортик. Чьи-то руки вцепились в его куртку.

— Сначала мальчика! — прохрипел он.

Лина вытащили через проём. Потом приняли Аду на плаще. Орс попытался выбраться сам, но повреждённое плечо подвело; Илья и женщина с киркой подняли его под мышки. Последним Илья вылез на узкий мокрый уступ и несколько секунд просто стоял на четвереньках, кашляя водой.

Над ним было не знакомое серое небо Урала.

По склону теснились дома из тёмного камня, крытые красной и чёрной черепицей. Выше поднималась стена с квадратными башнями. Над одной башней клубился дым. В воздухе гудел колокол, а за стеной вспыхивали огни и с запозданием приходили тяжёлые удары. По мостовой бежали люди в длинных плащах. Кто-то нёс копыя, кто-то вёдра, кто-то свёрнутые носилки.

На дальней высоте стояли шатры целой армии.

Илья выпрямился. Плечо болело, пальцы дрожали, на куртке не осталось сухого места. Рации по-прежнему не бы-

ло. За спиной, под камнем, рушился чужой подземный ход. Перед ним горел чужой город.

Ада сидела у стены, пока женщина с киркой осматривала её повязку. Лекарка поймала взгляд Ильи.

— Ты не из водного двора, — сказала она.

— Нет.

— И не из гарнизона.

— Нет.

Над стеной прочертил небо огненный след. Что-то ударило в нижние дома. Черепица взлетела чёрной стаей. Через несколько мгновений оттуда донеслись крики.

Ада опёрлась ладонью о камень и попыталась встать.

— Лежать, — сказал Илья.

— Там люди.

— С повреждённой ногой вы до них не дойдёте.

— А ты дойдёшь?

Он посмотрел на мокрый ремень, на карабин в своей руке, на Орса, который уже объяснял подбежавшим рабочим, где остались стойки и как вода пошла в штольню. Лин всё ещё держал конец каната. Когда Илья встретился с ним глазами, мальчик дважды дёрнул верёвку.

Здесь.

Илья ответил двумя рывками.

— Покажите дорогу, — сказал он Аде.

Глава 2. Город между армиями

До горящего дома было три улицы, но Равель не позволял идти прямо.

Первая лестница кончилась грудой черепицы. Вторую перегородила телега с мешками. На третьей солдаты ставили деревянные щиты поперёк мостовой и разворачивали людей обратно к реке.

Ада, сидевшая на импровизированных носилках, показывала дорогу короткими приказами. Нести себя она позволила только после того, как попыталась наступить на повреждённую ногу и едва не упала.

— Налево у хлебных печей. Потом под аркой. Орс, не дёргай плечом.

— Это я тебя несу, — огрызнулся водник.

— Поэтому и не дёргай.

Второй край плаща держал Илья. Лин бежал впереди и кричал, чтобы освободили проход. Иногда ему уступали. Чаще люди не слышали за колоколом, грохотом и собственными голосами.

Город поднимался от реки уступами. Нижние дома лепились к склону тесными рядами; между крышами тянулись мостки, бельевые верёвки и желоба. Выше проходила широкая улица военных складов. Ещё выше темнела внутренняя стена. За спиной Ильи река прижимала кварталы к камню, а

единственная мощёная дорога вдоль берега упиралась в закрытые ворота.

Ловушка была видна без карты.

Огненный снаряд пробил крышу красильни. Из окон валил густой чёрный дым. По соседней стене уже ползло пламя. Люди передавали вёдра от колодца, но цепочка ломалась у каждого встречного потока: одни бежали к пожару, другие тащили узлы к реке, третьи искали детей.

— Кто старший? — спросил Илья.

— Сейчас никто, — ответила Ада. — Староста ушёл к воротам просить выпуск.

— Тогда нужен тот, кого послушают на этой улице.

— Тей! — крикнул Орс.

Из дыма вышла широкоплечая женщина в мокром кожаном переднике. Брови у неё были опалены, руки по локоть покрыты синей краской.

— Ада, тебя только не хватало.

— Где люди?

— Двое вышли. Хозяйская дочь была наверху. Мальчишка-подмастерье вернулся за книгой заказов.

Илья поставил край носилок на мостовую.

— Лестница есть?

Тей смирила его взглядом.

— Ты ещё кто?

— Тот, кто ползет, если вы расскажете, как устроен дом. Где лестница внутри, где хранят масло, куда ведут окна вто-

рого этажа?

— Масло в задней кладовой. Лестница от входа вправо. Окно наверху выходит на сушильный двор.

— Внутри через дверь уже нельзя. Есть ход по соседней крыше?

Тей показала на узкий мостик над переулком. Один его конец обуглился.

— Там доски тонкие.

— Верёвка?

Кто-то протянул бухту. Илья машинально проверил во-локно и вспомнил мокрый канат в штольне. Здесь нельзя было считать местную верёвку знакомой только потому, что она выглядела как пеньковая.

— Кто её делал?

— Мев, — ответил седой мужчина из цепочки.

— Какой вес держит после намокания?

Мужчина пожал плечами.

— Двух взрослых на подъём держала.

Этого было мало для расчёта и достаточно для решения. Илья обвязался вокруг груди, второй конец велел закрепить не за водосток, а вокруг каменного столба арки. Тей настояла идти с ним.

— Ты не знаешь, где балки, — сказала она.

— А ты не знаешь, когда они упадут. Идём вместе, но если скажу назад — не споришь.

Они поднялись по наружной лестнице соседнего дома. С

крыши Равель открылся целиком: река изгибалась под стеной, впереди горел деревянный мост, по дальнему берегу тянулись лагерь. На северной высоте стояли знамёна с серебряным кругом, на южной — багряные полотнища гарнизона. Между двумя частями одной, как сказала Ада, империи лежал город, в который стреляли обе стороны.

Тей первой ступила на мостик. Доски прогнулись.

— По одной, — сказал Илья. — Ты переходишь, я остаюсь. Потом я.

— Вместе быстрее.

— Вместе тяжелее.

Она не стала спорить. На крыше красильни дым стлался низко. Илья опустил почти на четвереньки. Черепица нагрелась, но ещё не обжигала. Они добрались до слухового окна. Изнутри доносился кашель.

— Слышишь меня? — крикнул Илья.

— Здесь! — ответил мальчишеский голос.

— Один?

— Лиса со мной!

— Кто такая Лиса?

— Хозяйская дочь.

Тей закрыла глаза на одно мгновение.

— Ей двадцать два, — сказала она. — Она не ребёнок, просто с детства плохо ходит.

— Где вы?

— У лестницы. Она упала.

Илья разбил ножом промасленную раму и отогнул её наружу. В лицо ударил дым. Внутри чердака уже занималась пакля. Спускаться к лестнице означало пройти над огнём.

— Есть другая дорога наверх? — спросил он у Тей.

— Подъёмный люк со двора, но там склад.

— Масло в задней кладовой?

— Да.

— Тогда во дворе пока безопаснее. Пусть ломают люк снизу.

Он подполз к краю крыши и крикнул людям, чтобы обходили дом, били не дверь кладовой, а потолочный люк сушильного двора. Тей повторила местными словами, которые Илья ещё не успел узнать. Внизу цепочка перестроилась быстрее, чем он ожидал: пятеро ушли с вёдрами во двор, двое понесли лестницу.

— Они умеют, — заметил он.

— Они живут рядом, — ответила Тей. — Только гарнизон отнял половину вёдер и запретил открывать водяной склад.

Снизу донеслись удары. Илья снова приблизился к окну.

— Как тебя зовут?

— Пак.

— Пак, найди ткань, намочи, если есть вода, и закрой Лисе рот и нос. Люк во дворе сейчас откроют. Не иди к нам через лестницу.

— Тут кувшин пустой.

Илья оглянулся на Тей.

— На крыше желоб. В нём дождевая вода.

Они сорвали глиняный наконечник и направили струю в окно. Пак подставил кувшин. В этот момент крыша под Ильёй вздрогнула. Из-под черепицы вырвался огонь.

— Назад, — сказал он.

— Они ещё внутри.

— Люк открывают снизу. Мы сейчас сами перекроем им выход, если провалимся.

Тей отступила первой. Они перебрались на соседнюю крышу. Едва Илья снял ногу с мостика, его обугленный конец обрушился во двор.

Снизу закричали. Дым из люка сменил направление, потом показалась голова Пака. Он выбрался сам и вместе с рабочими вытянул молодую женщину в синем платье. Лиса стоять не могла, но была в сознании и ругалась на подмастерье за книгу заказов, зажатую у него под мышкой.

— Все вышли! — крикнула Тей.

Илья спустился. Теперь нужно было не входить в дом, а не дать огню перескочить через переулок. Цепочка с вёдрами всё ещё путалась. Он разделил людей: пустые вёдра передавали по одной стороне, полные по другой. Трёх поставил только поливать соседнюю стену и оконные рамы. Ещё двое начали срывать навес, соединявший дома.

Приказ пришёл сверху улицы.

— Прекратить разбор! Освободить дорогу!

По мостовой спускались шесть солдат. За ними катили

две повозки с бочками. Молодой десятник указывал копьём на людей.

— Все носильщики к северным складам. Вёдра сдать гарнизону.

Тей заслонила цепочку.

— У нас горит красильня.

— Склад важнее.

— Если переулок займётся, загорятся ваши же повозки.

Десятник даже не посмотрел на крышу.

— Приказ полководца Дорна. Нижнему городу воду не выдавать. Противник бьёт по складам, каждый целый мужчина нужен наверху.

— Тогда пусть противник подождёт, пока мы сгорим, — сказала Тей.

Солдаты начали вырывать вёдра из рук. Цепочка распалась. Кто-то отступил, кто-то закричал. Илья увидел, как пламя добралось до навеса, который не успели снять.

Он встал перед десятником.

— Через пять минут загорится соседний дом. Через десять огонь выйдет на эту улицу. Повозки не пройдут вообще.

— Отойди.

— Дайте нам десять человек и одну бочку. Мы удержим переулок и освободим дорогу.

— Кто ты такой, чтобы торговаться людьми полководца?

— Человек, который смотрит на огонь.

Десятник толкнул его древком. Илья отступил на полша-

га. Ответить тем же означало устроить драку рядом с пожаром, и полчаса спасательной работы превратилось бы в доказательство мятежа.

С носилок раздался голос Ады:

— Ратник Вейр, взгляни на крышу.

Десятник обернулся. Он узнал лекарку и невольно выпрямился.

— Госпожа Рейн, вам велено быть в лечебном дворе.

— Я туда попаду, если улица останется. Куда идут бочки?

— К северному складу.

— Там каменные своды и пустой плац. Здесь масло, сухая пакля и сорок жилых домов. Оставь одну.

— Дорн приказал не тратить воду вниз.

— Тогда запиши моё имя и скажи, что я отняла её у тебя.

Вейр посмотрел на людей вокруг. Каждый слышал разговор. Отказаться теперь значило принять ответственность самому. Он выругался и приказал снять одну бочку.

— Десяти людей не дам. Через четверть колокола дорога должна быть свободна.

— Будет, — сказал Илья.

— Не тебе я отвечал.

Но Илья уже повернулся к огню.

Бочку нельзя было просто выплеснуть на стену. Воды хватило бы на минуту. Он велел Тей принести плотную ткань. Красильщики выкатили рулоны грубого войлока, намочили их в бочке и крючьями подняли на соседнюю стену. Мокрое

полотно закрыло рамы. Остальную воду пустили по желобу на навес, пока рабочие рубили крепления.

Навес рухнул внутрь горящего двора. Пламя взметнулось, но через переулок не перескочило.

Когда солдатский колокол отбил четверть, повозки смогли пройти. Красильня горела изнутри, обречённая, зато соседние крыши дымились без открытого огня. Люди продолжали передавать вёдра уже без криков. Пустые шли вниз, полные вверх.

Илья подошёл к Лисе. Она сидела на перевёрнутой кадке, обе ноги были стянуты кожаными шинами, явно не сегодняшними.

— Дымом надыхались?

— Меньше, чем Пак. Он полез за этой проклятой книгой.

— В ней долги половины улицы, — оправдывался подмастерье.

— Поэтому она проклятая. Бросил бы — всем стало легче.

Лиса улыбнулась, потом закашлялась. Илья велел отвести обоих к лекарям.

Ада наблюдала за ним настороженно.

— Ты говоришь как человек Дорна, но споришь с его солдатами.

— Я говорю как человек, который не хочет второй раз за день оказаться под крышей.

— Второй раз?

— Под землёй я оказался не по своей воле.

Она ждала продолжения. Илья посмотрел на стену, на далёкие шатры, на одежду людей, на собственный карабин, слишком ровный и блестящий среди кованых крючьев.

— Где мы? — спросил он.

— В Равеле.

— Какая страна?

— Империя Тарн.

— Какой сейчас год?

Ада назвала дату, которая ничего ему не сказала.

— Ты правда не знаешь, — произнесла она.

— Последнее, что я видел до вашей штольни, — другой подземный ход. Там были электрические фонари, стальные крепи и люди, которые сейчас ищут меня. Между тем местом и этим не было дороги.

Ада коснулась повязки на виске, словно проверяла, не её ли сознание повреждено.

— Огненный удар иногда обжигает память.

— Он не меняет одежду города и не ставит армию за стеной.

— Об этом поговорим не на улице.

Сверху вновь загудел колокол. На этот раз ему ответил другой, у реки. Люди замерли.

— Что означает? — спросил Илья.

— Закрывают нижние ворота, — сказала Тей. — Никого не выпустят к переправе.

По улице прокатился ропот. Женщина с узлом бросилась вниз, солдат преградил ей путь. Сразу несколько семей двинулись следом. Вейр поставил копейщиков поперёк мостовой.

— По домам! — приказал он. — Переправа нужна войску.

Илья поднялся на бочку. Отсюда ловушка была видна ещё яснее. Слева — стена, справа — река, впереди — запертые ворота. Позади горящий квартал. Военные склады рассекали город пополам, и стража уже оттесняла жителей от широких дорог.

— Сколько людей внизу? — спросил он у Тей.

— Тысяч восемь, может, десять. Кто их считал?

— Выходы кроме ворот?

— Лодочные ступени, но лодки забрали. Старый водный мост к восточному берегу закрыт гарнизоном.

— Подземные ходы?

Орс покачал головой.

— После обвала не знаю. И они не для толпы.

Десять тысяч человек. Узкие лестницы. Горючие мастерские. Вода под военной охраной. Ни плана эвакуации, ни общего сигнала, ни свободной дороги.

И две армии, каждая из которых рассчитывала пользоваться городом, но не спасать его.

— Мне нужен план улиц, — сказал Илья.

— Зачем? — спросила Ада.

— Чтобы понять, где люди погибнут первыми.

— А потом?

Он посмотрел на цепочку с вёдрами. Её собрали без него заново. Тей переставила слабых ближе к колодцу, сильных — к подъёму. Пак, всё ещё кашляя, носил пустую тару. Лин стоял в середине и следил, чтобы никто не менял стороны.

— Потом сделать так, чтобы они оттуда вышли.

Ада кивнула на верхнюю улицу, где исчезли повозки.

— Дорн не разрешит.

— Тогда начнём с того, для чего разрешение не требуется.

— Например?

Илья снял с плеча мокрый канат. На нём остались петли, которыми вытаскивали людей из штольни.

— Узнаем, кто здесь умеет держать другой конец.

Глава 3. Верёвка с узлами

Тей нашла канатчика раньше, чем Илья успел спросить, где его искать.

Невысокий седой мужчина протиснулся между людьми у колодца, отобрал у Пака пустое ведро и сунул ему вместо него кружку воды. За плечом у мужчины висела мотушка тонкого шнура, на поясе — изогнутый нож и деревянная лопатка, отполированная ладонью. Один рукав был закатан выше локтя. По коже тянулись старые белые рубцы, похожие на следы ожога.

— Это ты спрашивал, сколько держит моя верёвка? — сказал он.

— Я.

— И что тебе ответили?

— Двух взрослых на подъём.

— Значит, спросил не того.

Он забрал у Ильи мокрый канат, перегнул его на ладони и поднёс к уху. Волокна тихо потрескивали. Потом раскрутил конец, понюхал и сплюнул в сторону пожара.

— Её тащили по камню. Здесь надрез. Здесь масло. А здесь кто-то вязал петлю так, будто хотел удавить быка.

Лин поднял руку:

— Это мы внизу.

— Тогда внизу вам очень повезло.

— Нам не повезло, — возразил мальчик. — Он всё сделал. Канатчик посмотрел на Илью внимательнее.

— Всё никто не делает. Мев.

— Илья.

Они пожали руки. Ладонь у Мева была сухой и жёсткой, пальцы — в мелких порезах. Он не спросил, откуда взялся человек в странной одежде. Пожар избавлял от лишнего любопытства.

Красильня осела внутрь себя. Крыша провалилась, выбросив на улицу сноп искр. Люди у колодца отшатнулись. Через мокрый войлок на соседнем доме проступило тёмное пятно, потом ткань вспучилась от пара.

— Ветер меняется, — сказала Тей. — Понесёт через крыши к Масляной лестнице.

Илья поднял голову. Дым, прежде уходивший к реке, теперь прижимался к склону. За красильней теснился ряд мастерских. Дальше улица делала поворот, и оттуда уже не было видно ни огня, ни цепочки с вёдрами.

— Сколько дворов за углом?

— Семь до лестницы, — ответил Мев. — Мой третий.

— Люди там знают, что сюда идёт огонь?

— Если увидят дым.

— В таком дыму они увидят его, когда станет поздно.

Илья взял тонкий шнур с плеча канатчика.

— Можно протянуть вдоль улицы? Отсюда до поворота и дальше?

Мев не отдал мотушку, но позволил размотать два локтя.

— Можно. Зачем?

— Передавать команды, когда не слышно голоса. Один рывок — стой. Два — тяни. Три — опасность, уходи.

— Ты только что придумал?

— Нет. У нас так работают там, где люди не видят друг друга.

Илья вспомнил тренировочную штольню, осевший свод и рацию, которая замолчала за миг до чужого каменного потолка. Там у каждого был шлем, страховочная система и канат с известной нагрузкой. Здесь даже мера длины была другой, а тонкая пенька пахла речной водой и жиром.

— Где это — у вас? — спросил Мев.

— Далеко. Сейчас важно другое. Если огонь пойдёт по навесам, людей за углом надо вывести до того, как они увидят пламя.

Мев потянул шнур обратно.

— А если один рывок сделает лошадь, которая наступила на него? Два — баба с корзиной? Три — угол дома, когда верёвка за него зацепится?

— Поэтому натянем выше земли и поставим человека на каждом повороте.

— Выше земли её перережет ставня. Или она снимет с ног того, кто побежит в дыму.

Илья почувствовал знакомое раздражение, которое появлялось, когда на учениях кто-то спорил до проверки просто-

го решения. Он уже открыл рот, но увидел, как Мев держит шнур. Не поперёк ладони, а между большим и указательным пальцами, позволяя ему свободно скользить. Канатчик не защищал своё ремесло от чужака. Он перечислял причины, по которым люди могли погибнуть.

— Тогда как бы сделал ты?

— Сначала понял бы, что передаём. Команду тем, кто несёт воду? Предупреждение тем, кто сидит дома? Или зов человеку на другом конце?

— Предупреждение. И подтверждение, что его слышали.

— Тогда один рывок ничего не значит. Дёрнуть может кто угодно. Нужен узор, который случайно не получится.

Мев смотал шнур и направился к навесу красильного двора. Там под стеной лежали обрезки канатов: толстые, тонкие, просмолённые, выбеленные щёлоком. Он выбрал два, связал концы и протянул Илье.

— Держи. Не обматывай руку.

Сам отошёл на десять шагов. Между ними сновали люди с ведрами, носилками и рулонами ткани. Шнур то натягивался, то ложился на мостовую.

Мев потянул один раз. Илья почувствовал слабое движение. Потом канатчик сделал два коротких рывка. Первый дошёл отчётливо, второй потерялся, когда женщина наступила на шнур.

— Ещё дальше будет хуже, — сказал Мев. — На сухой верёвке лучше. На мокрой — она набухнет и станет тяжё-

лой. На повороте трение съест половину движения. Твои три рывка за углом превратятся в один длинный или ни в один.

— Но в штольне Лин почувствовал два.

— Сколько между вами было?

— Несколько шагов.

— А здесь будет двести.

Из красильни донёлся треск. Горящая балка проломила стену во двор, и на мокрый войлок посыпались угли. Тей закричала, чтобы люди отошли от арки. Цепочка качнулась, несколько вёдер расплескались.

Илья оглянулся на улицу за поворотом. Там пока шла обычная жизнь осаждённого города: тащили мешки, снимали с верёвок бельё, спорили у двери пекарни. Дым уже полз над крышами, но снизу его почти не видели.

— Проверим на деле, — сказал он. — Не команду. Только предупреждение. Если не работает, бросим.

— Не бросим, — ответил Мев. — Переделаем.

Он выбрал верёвку толщиной с мизинец и потребовал кадку. Тей приволокла пустую из-под синей краски. Мев налил в неё воду, опустил половину мотка и придавил камнем.

— Зачем мочишь заранее? — спросил Лин.

— Чтобы она обманула нас сейчас, а не тогда, когда на другом конце будет человек.

Илья невольно улыбнулся. Эту фразу мог сказать любой хороший инструктор его отряда.

Они протянули верёвку по стене, но не стали натягивать.

Мев привязывал её к железным кольцам у дверей короткими петлями, оставляя на каждом участке слабинку. На углу поставил гладкий глиняный кувшин без дна и пропустил верёвку через горло, чтобы та не тёрлась о камень.

— Это Семовы горшки, — сказала Ада. Она всё ещё сидела на носилках, но перебралась ближе и сама перевязала лодыжку. — Брат будет рад узнать, что они наконец научились работать.

— Скажи ему, что этот кривой, — отозвался Мев. — Поэтому и пригодился.

На другом конце, у Масляной лестницы, встала Тей. Между ней и Мевом оставались два поворота, дым и почти вся улица. Илья видел только её синюю руку, пока она не скрылась за домом.

— Какой узор? — спросил он.

Мев задумался, перебирая мокрую верёвку.

— Не рывки. Тяжесть. Подвесим дощечку с двумя камнями. Если здесь снимают оба, там верёвка поднимется на ширину ладони. Случайный человек так не сделает.

— Слишком медленно.

— Зато заметно.

— А если надо сообщить немедленно?

— Тогда пусть бегут ногами.

Илья покачал головой.

— Бегун не пройдёт сквозь толпу и дым быстрее огня.

— А верёвка не объяснит, с какой стороны огонь.

— Не должна. Она говорит только: выйди и посмотри.

Мев прищурился. Потом снял с пояса деревянную лопатку, постучал ею по ладони и сказал:

— Два камня — выйти и посмотреть. Один камень — ответить, что понял. Если на другом конце не ответили, посылаем человека.

— А если верёвка порвалась?

— Тогда камни упадут. Услышишь.

Они привязали к свободному концу дощечку и положили на неё два обломка черепицы. Получилось грубо: верёвка провисала, цепляла дверные косяки, дрожала от шагов. Мев снял камни. Несколько мгновений ничего не происходило. Потом шнур медленно пополз по глиняному горлу на повороте. Откуда-то из-за домов донёсся крик Тей:

— Поднялась!

Мев положил один камень. Верёвка потяжелела. Через несколько ударов сердца дальний конец ответил коротким подьёмом.

— Поняла, — сказал Лин.

— А теперь дождь, — велел Мев.

Орс, несмотря на больное плечо, опрокинул на ближний участок ведро. Пенька сразу потемнела. Вода потекла по волокнам, верёвка провисла сильнее. Мев повторил сигнал. На этот раз дощечка качнулась, но дальний участок не поднялся.

— Вот тебе мокрая улица, — сказал он Илье.

— Добавим противовес.

— Добавишь — тонкий шнур порвётся на узле.

— Возьмём толще.

— Толстый станет ещё тяжелее от воды.

Илья присел у кольца. Узел затянулся так, что волокна сплющились. В его мире существовали таблицы, паспорта изделий и испытательные стенды. Здесь таблицей была память Мева: из какого поля привезли пеньку, сколько её вымачивали, чем пропитывали, по какому камню тянули. Попытка заменить эту память знакомым правилом была не знанием, а самоуверенностью.

— Ты говорил, что мокрая верёвка набухает, — сказал Илья. — Она становится короче?

— Смотря как свита. Эта — да. Немного.

— Значит, не будем передавать движение вдоль всей длины. Пусть сама длина показывает опасность.

Мев медленно улыбнулся.

Они перенесли дощечку с камнями к дальнему концу, а у каждого поворота привязали к верёвке короткую полоску красной ткани. Пока канат оставался сухим и свободным, полоски висели низко у стены. Если ближний конец натянуть и закрепить, они поднимались. Намокая, канат подтягивал их ещё выше. В дождь или при тушении сигнал не исчезал, а становился заметнее.

— Только натягивать надо не руками, — сказал Мев. — В дыму забудут и отпустят.

Он нашёл старую ступицу от тележного колеса, вставил в неё жердь и намотал три оборота. Получился простой ворот. Повернул — красные полосы поднялись вдоль всей улицы. Отпустил — ступица не раскрутилась: деревянный клин держал её между камнями.

— Красное наверху — выйти к двери, проверить улицу и ждать человека, — сказал Илья. — Не бежать вслепую.

— Красное внизу — заниматься своим делом, — добавил Лин.

— Нет, — возразил Мев. — Красное внизу значит только, что верёвка не натянута. Может, всё спокойно. А может, её перерезало. Никогда не обещай верёвкой больше, чем она умеет сказать.

Лин повторил медленно:

— Внизу — не знаю.

— Вот теперь верно.

Тей вернулась от Масляной лестницы с тремя женщинами и стариком в кожаном фартуке. Они хотели понять, почему чужак тянет верёвку вдоль их домов. Объяснял Мев. Он показывал ворот, заставлял каждого поднять сигнал, потом нарочно вынимал шнур из глиняного горла и спрашивал, что изменилось. Женщина с корзиной первой заметила, что у второго поворота красная полоса не поднялась.

— Значит, там обрыв, — сказала она.

— Или зацепилось, — ответил Мев. — Что делаешь?

— Иду проверить.

— Одна?

Женщина оглянулась на дым.

— Зову соседа.

Илья отошёл на шаг. Система уже перестала принадлежать ему. От его трёх рывков осталось только желание передать предупреждение туда, где не слышно голоса. Всё остальное сделал Мев из своих материалов и своих ошибок.

Пожар напомнил о себе порывом горячего воздуха. Войлок на соседнем доме высох по краям и начал тлеть. Тей бросилась к цепочке, но в этот миг на крыше за красильней показался мальчик.

— Там огонь! — закричал он. — Во дворе бондаря!

За поворотом ещё не видели пламени. Ветер швырнул искры через два дома, и одна упала в стружку под навесом. Если загорятся клёпки и сухие обручи, огонь перескочит к Масляной лестнице быстрее, чем люди вынесут больных.

— Поднять красное! — крикнул Илья.

Мев уже вращал ворот. Верёвка натянулась. Одна за другой полоски ткани взлетели над дверями. Люди на улице поднимали головы. Кто-то закричал, но большинство не побежало: Тей и трое обученных соседей шли вдоль домов и повторяли приказ выйти, осмотреться, взять детей и тех, кто не может идти сам.

Илья схватил ведро.

— Где двор бондаря?

— За второй аркой, — ответил старик в фартуке. — Там

колодца нет.

— Тогда не тушим всё. Убираем стружку, мочим проход, сбиваем навес.

— Навес держит сушильную стену.

— Если его оставить, он приведёт огонь к дому.

Старик сжал губы.

— Это мой двор.

— Тогда решать тебе. Но через несколько минут решит огонь.

Бондарь посмотрел на людей, которые выводили из соседнего дома старуху в кресле. Потом вытащил из-за пояса топор.

— Сначала снимем клёпки. Там запас на зиму.

— У тебя две минуты, — сказал Илья. — Потом рубим вместе.

Они побежали. Верёвка тянулась вдоль стены слева, красные полосы висели высоко и были видны сквозь дым. На первом повороте шнур дёргался: люди задевали его плечами. На втором натяжение исчезло.

Илья остановился. Полоса лежала на мостовой. Верёвку прижало створкой распахнутых ворот.

— Обрыв! — закричал Лин сзади.

— Не обрыв. Защемило.

Илья рванул створку. Она не поддавалась: за ней навалили мешки. Он попытался выдернуть канат из щели и услышал треск волокон.

— Не тяни! — Мев ударил его по руке деревянной лопаткой. — Перетрёшь.

Канатчик опустил на колено, подsunул нож под нижнюю петлю ворот и перерезал не сигнальную верёвку, а сыромятный ремень, удерживавший створку. Ворота качнулись. Мешки посыпались во двор, зато шнур освободился. Красная полоса снова поднялась.

— Из-за одной двери вся улица ослепла, — сказал Илья.

— Поэтому завтра будет не одна верёвка, — ответил Мев.

— По обеим сторонам. И люди на поворотах.

— Если доживём до завтра.

— Канаты выют затем, чтобы было завтра.

Во дворе бондаря горела куча стружки. Пламя лизало нижний край навеса. Сам дом был каменным до половины первого этажа, выше — деревянный каркас, обмазанный глиной. Под крышей висели сотни сухих обручей.

Бондарь и его сыновья выносили связки клёпок. Илья велел сложить их не на улице, где они перекроют проход, а за каменной стеной. Тей привела людей с мокрым войлоком. Они расстелили его от ворот до лестницы соседнего дома, создав короткий защищённый коридор.

Воды принесли всего четыре ведра.

— На стружку не лить, — сказал Илья. — Не хватит. Мочим стену и ткань.

Бондарь замахнулся топором по стойке навеса. Дерево было толстым, сухим снаружи и ещё живым внутри. После

первого удара топор застрял.

— Верёвку на дальний угол, — велел Илья. — Потянем во двор, чтобы не упал на улицу.

Мев схватил его за плечо.

— Какую верёвку?

— Любую, которая держит навес.

— Таких нет.

— Ты сказал, две взрослых на подъём.

— На подъём новым канатом и без рывка. Здесь горячая балка, острый край и падение.

Пламя поднялось до обручей. Времени на спор не осталось.

— Что есть?

Мев указал на толстый почерневший канат у стены.

— Старый причальный. Он не поднимет навес. Но если обвести вокруг стойки и тянуть вдвое, удержит направление.

Илья понял. Не привязывать конец к балке, а сложить канат пополам, охватить стойку серединой и тянуть за оба свободных конца. Когда навес упадёт, канат можно отпустить, не лезя снимать узел с горящего дерева.

— Делай.

— Я скажу, когда тянуть.

— Скажешь.

Мев обернул причальный канат вокруг стойки и провёл оба конца через каменную арку. На каждый поставил по четверо людей. Илья хотел встать к одной группе, но канатчик

оттолкнул его к бондарю.

— Ты смотришь, куда падает. Я смотрю, что держит.

Топоры били попеременно. Щепа летела в дым. Когда в стойке осталась сердцевина толщиной с запястье, навес наклонился и канат натянулся. Люди инстинктивно рванули.

— Стоять! — заорал Мев. — Не дёргать!

Один конец проскользнул в руках. Мужчина упал на спину. Мев переставил людей, велел намотать канат не на ладони, а на гладкую жердь и держать её вдвоём.

— Теперь ровно. Шаг. Ещё шаг.

Стойка хрустнула. Навес пошёл наружу, к улице, но канат принял тяжесть и повернул его. Люди отступали по команде Мева, не пытаясь удержать падение, только направляя. Горящая рама рухнула во двор на собственную стружку. Искры ударили в войлок, не в соседнюю крышу.

Илья сбил последние обручи длинным шестом. Бондарь вылил ведро на обожжённую стену. Ещё два ушли на войлок, по которому вывели старуху и детей. Четвёртое оставили у ворот на случай, если займётся дверная рама.

Огонь во дворе разгорелся ярче, но перестал ползти по домам.

На улице люди всё ещё стояли у дверей. Красные полосы держались высоко. Никто не знал, можно ли возвращаться. Илья потянулся к ближайшей верёвке, собираясь ослабить её, но Мев перехватил руку.

— Внизу — не знаю, помнишь?

— Помню.

— Тогда нельзя опускать, пока человек не прошёл всю улицу и не сказал каждому, где безопасно. Иначе они решат, что опасность кончилась.

— Ты сам говорил: красное внизу ничего не обещает.

— Мы говорили это пятерым. Остальные увидели только красное наверху. Люди сами придумают вторую половину знака, если мы её не дадим.

Илья оглядел лица в дверях. Мев был прав. Одни считали поднятую ткань приказом выходить. Другие — знаком пожара. Третьи просто повторили за соседями. Для работающего сигнала мало придумать значение. Надо убедиться, что все поняли его одинаково.

— Тогда пока не опускаем. Тея пройдёт от последнего дома к первому. В безопасных дворах оставит человека. Остальных переведём за каменную стену.

— А верёвка?

— Твоя, — сказал Илья. — Ты решаешь, когда и как её использовать.

Мев посмотрел на него так, словно ожидал подвоха.

— Это потому, что я канатчик?

— Потому что я едва не сделал из неё ловушку три раза за час.

— Четыре. Ты хотел обмотать первый шнур вокруг руки.

— Четыре.

Мев кивнул.

Он пошёл проверять кольца и глиняные горла. Лин увязался следом. На каждом повороте канатчик заставлял мальчика назвать не только смысл поднятой полосы, но и то, чего она не сообщает.

— Красное наверху — выйти, посмотреть, ждать человека, — отвечал Лин. — Оно не говорит, куда идти. Не говорит, что дом горит. Не говорит, что дорога свободна.

— Хорошо. А внизу?

— Не знаю.

— Очень полезные слова. Не забывай.

Ада подозвала Илью. Её лицо посерело от боли, хотя она пыталась держаться прямо.

— Теперь ты пойдёшь в лечебный двор, — сказал он.

— Теперь ты перестанешь командовать лекаркой.

— У тебя распухла нога.

— Я заметила. Поэтому и зову. Мне нужны люди, чтобы перенести Лису, Пака и Орса. А тебе нужен кто-то, кто покажет нижние улицы. Я пошлю Нори.

— Кто это?

— Девочка, которая знает все короткие дороги и ни одной длинной. Не верь ей, если скажет, что ей семнадцать. Ей пятнадцать.

— Зачем ей прибавлять годы?

— Чтобы солдаты пропускали к раненым после вечернего колокола.

Ада помолчала, наблюдая, как Мев объясняет сигнал со-

седам.

— Ты отдал ему верёвку.

— Она всегда была его.

— В Равеле люди Дорна редко вспоминают такие вещи.

— Я не человек Дорна.

— Пока он об этом не знает.

С верхней улицы спускался десятник Вейр. На этот раз с ним было двенадцать солдат. Они шагали быстро, освобождая копьями проход. Вейр увидел верёвку, красные полосы и жителей у дверей.

— Что здесь устроили?

— Вывели людей из-под огня, — ответил Илья.

— Кто разрешил тянуть канат через улицу?

Мев встал рядом.

— Я.

— Я спрашивал не тебя.

— А канат мой.

Вейр стиснул челюсть. За его спиной солдаты смотрели не на Илью, а на догорающий навес. Улица была свободна. Ни толпы, ни брошенных узлов, ни людей, мечущихся под повозками. Жители стояли вдоль стен и ждали понятного указания.

— Полководец требует лекарку Рейн в верхнем дворе, — сказал десятник. — И чужака тоже.

— Зачем? — спросила Ада.

— Он хочет знать, кто распоряжается его водой и людьми.

— Его вода пока в бочках, — сказал Мев. — А люди стоят на своих ногах.

Илья поднял ладонь, останавливая продолжение. Вейр пришёл с солдатами не ради спора о собственности. Если сейчас дать ему повод, канат перережут, людей разгонят, а пожар объявят законченным.

— Мы придём, — сказал Илья. — После того как Тей проверит улицу и Мев снимет сигнал.

— Сейчас.

— Тогда половина этих людей двинется за нами, потому что не знает, куда ей идти. Дорога снова будет закрыта. Тебе это нужно?

Вейр оглянулся. Он уже видел, как быстро страх превращает улицу в давку.

— Половина четверти колокола, — процедил он.

— Хватит.

Десятник отошёл к солдатам. Илья ожидал, что Ада спросит о разговоре с Дорном, но она сказала другое:

— Половина четверти — мало, чтобы донести меня наверх.

— Значит, он подождёт.

— Я хотела предложить тележку.

Сем появился раньше тележки. Высокий мужчина в глиняной пыли шёл снизу, толкая перед собой двухколёсную раму с досками и горой ремней. Увидев Аду, он бросил раму посреди улицы.

— Ты обещала не лезть под камни без меня.

— Я лежала под ними очень спокойно.

— Это должно меня утешить?

— Нет. Это Илья. Он вытащил нас. Илья, это Сем, мой брат. Сейчас он сделает вид, что умеет лечить ногу, потому что однажды вправил ручку кувшина.

Сем опустился рядом с носилками, увидел шину и не стал её трогать.

— Кто наложил?

— Сначала Илья. Потом я исправила.

— Значит, жить будет.

Он поднялся и заметил глиняное горло на углу, через которое проходила сигнальная верёвка.

— Это мой водяной кувшин.

— Был, — ответил Мев. — Теперь полезная вещь.

Сем провёл пальцем по краю.

— Верёвка протрёт глину. Нужна круглая втулка. Обожгу к утру.

— Две, — сказал Мев. — На обе стороны улицы.

— Шесть. На каждый поворот.

Они начали спорить о толщине стенки, будто вокруг не догорали два двора и не ждали солдаты. Но Илья слышал в их споре не упрямство. Так начиналась работа, которая могла продолжиться без него.

Тей вернулась от Масляной лестницы и прошла вдоль верёвки, останавливаясь у каждого дома. За ней люди перено-

сили узлы в каменные дворы, больных устраивали на тележках, детей считали по именам. На последнем повороте она подняла обе руки.

— Улица проверена! Огонь дальше бондаря не пошёл!

Мев не сразу вынул клин из ворота. Сначала послал Лина повторить сообщение у Масляной лестницы. Только когда оттуда ответили, он медленно ослабил верёвку. Красные полосы опустились.

Люди не бросились по домам. Они смотрели на Тей, Мева и соседей, оставленных у дворов. Сигнал закончился не пустотой, а человеческим голосом.

— Завтра полосы будут с узлами, — сказал Мев Илье. — Один узел у первого участка, два у второго, три у третьего. В дыму можно нащупать, где порвалось. И каждый дом даст по человеку на проверку.

— Завтра нужен такой канат не на одной улице.

— Тогда завтра тебе придётся просить, а не приказывать.

— Кого?

Мев указал на дома, где жители уже сматывали лишние верёвки, собирали красную ткань и выбирали места для колец.

— Их.

Вейр ударил древком о камень.

— Время.

Сем переложил Аду на свою двухколёсную раму. Орс сел рядом, прижимая повреждённую руку к груди. Лису и Пака

повезли следом. Тей осталась с соседями, а Мев снял с плеча моток тонкого шнура и протянул один конец Лину.

— Два коротких, — сказал мальчик. — Значит, здесь.

— На пяти шагах — значит. Дальше не выдумывай.

Лин кивнул и спрятал конец в карман, будто получил знак должности.

Илья пошёл вверх рядом с тележкой Ады. За спиной красильня ещё горела, но огонь больше не двигался. Вдоль Масляной лестницы висела ослабленная верёвка с красными полосами. Она не обещала безопасности и не заменяла человека. Она только связывала дворы, которые прежде узнавали об опасности каждый сам.

Наверху ждал полководец, считавший воду и людей своими запасами.

Внизу канатчик уже считал повороты улиц.

Глава 4. Носилки гончара

До верхнего двора они не дошли.

Тележка Сема застряла на третьей лестнице. Колёса упёрлись в первую ступень, рама накренилась, и Ада вцепилась в край доски.

— Если ты хотел вправить мне ещё и спину, — сказала она брату, — выбрал хороший способ.

— В мастерской она ехала прекрасно.

— В мастерской нет лестниц.

— Поэтому я там и работаю.

Сем попробовал поднять оглобли выше. Колёса ударились о камень, Орс застонал, сидя на заднем краю. Двое солдат Вейра прошли мимо, не предложив помощи. Остальные уже поднялись на площадку перед воротами верхнего двора.

Илья осмотрел раму. Сем соединил две длинные жерди тремя поперечинами. Посередине лежали доски, связанные ремнями, по бокам стояли колёса на короткой оси. Для ровной улицы это была удобная тележка. Для лестниц — тяжёлая ловушка.

— Колёса снимаются?

— Снимаются, если выбить клинья. Потом придётся тащить всё на руках.

— Доски тоже?

— Всё снимается, если достаточно разозлиться.

Сем выдернул один ремень. Доски разошлись, и Ада едва не съехала между ними.

— Сначала больную переложите, — сказала она. — Потом доказывайте друг другу, кто умнее.

Илья и Сем опустили раму на площадку между лестничными пролётами. Мев с Лином остались внизу, Тей вернулась к красильне. Вейр стоял наверху и с каждой минутой выглядел так, будто чужая медлительность была личным оскорблением.

— Полководец ждёт! — крикнул он.

— Пусть пришлёт лестницу поровнее! — ответил Сем.

Ада закрыла лицо ладонью.

Илья расстегнул ремни. Под досками обнаружились две короткие жерди с развилками на концах. Сем объяснил, что обычно кладёт на них поддоны с сырой посудой, чтобы везти сразу два ряда и не сталкивать края.

— Почему развилки глиняные?

— Дерево впитывает воду и разбухает. Глина гладкая. Если треснет — заменю.

— Они держат вес?

— Не сами. Вес лежит на жерди. Глина только не даёт ремню съехать.

Илья повернул одну деталь. Обожжённая втулка охватывала дерево неполным кольцом. Через два отверстия проходил сыромятный шнур. Не шарнир и не опора — защита верёвки от острого края и ограничитель. Таких деталей не хва-

тало самодельным носилкам в штольне.

— Можно сделать из длинных жердей две отдельные рамы, — сказал Илья. — Между ними натянуть ткань. На ровной дороге ставить на ось, на лестнице снимать и нести.

— Две рамы из одной тележки? — Сем прищурился. — И чем соединять поперёк?

— Короткими жердями.

— Которые у меня под горшки.

— Сейчас они под людей.

— Горшки хотя бы не спорят.

Ада подняла палец.

— Я ещё здесь.

Сем снял колёса, выбив клинья рукоятью ножа. Длинные боковины разошлись. Он переставил глиняные втулки на концы поперечин и стянул дерево ремнями крест-накрест. Илья попробовал узел. Он держал, но при перекосе рамы сыромять резала край отверстия.

— Не затягивай насухо, — сказал Сем. — Намочим ремень, он сядет сам.

— Потом не развяжем.

— А зачем развязывать на лестнице?

Илья хотел ответить, что носилки должны быстро складываться, но остановился. Это требование пришло из мира машин, складов и стандартного снаряжения. Здесь важнее было, чтобы рама не развалилась под человеком. Складной узел можно придумать потом.

Они намочили два ремня водой из кружки Ады. Сем за-
тянул их деревянной лопаткой, просунутой под петлю, и
закрепил короткими клиньями. Между жердями натянули
плащ Орса и кусок войлока. Получилось две узкие рамы. На
первую переложили Аду, на вторую — водника.

— Ноги выше, — распорядилась Ада. — И под плечо ему
ткань. Илья, не смотри так. Носилки — это не лечение.

— Я знаю.

— Хорошо. Значит, повторять не придётся.

Подниматься стало легче. По ровной площадке две рамы
можно было поставить рядом на снятую ось, продев её через
нижние петли. Перед ступенями ось вынимали, и по два че-
ловека несли каждого раненого. Сем шёл у головы сестры и
на каждом повороте проверял глиняные ограничители.

Вейр встретил их у ворот.

— Вы заставили ждать полководца ради палок?

— Ради лекарки, — ответил Илья.

— Рейн останется в лечебном дворе. Ты идёшь со мной.

Ада приподнялась на локтях.

— Сначала я осмотрю Орса.

— Здесь есть другие лекари.

— Пусть другие и осматривают твоего полководца.

За воротами открывался широкий двор, вымощенный
ровными плитами. По краям стояли каменные здания с узки-
ми окнами. В центре грузили повозки: мешки, бочки, стре-
лы, свёрнутые шатры. Воды здесь было больше, чем у кра-

сильни. Две полные цистерны отражали серое небо, и солдаты поливали мостовую, прибывая пыль перед штабным крыльцом.

Илья задержал взгляд на ручьях, стекавших между плитами.

Вейр заметил.

— Даже не думай.

— Я думаю о том, сколько домов можно было намочить этой водой.

— Здесь проходят раненые и лошади. Пыль забивает раны.

— А огонь их заживляет?

— Решения принимает Дорн.

Двери штаба оставались закрыты. У крыльца уже ждали трое офицеров и двое купцов. Полководец требовал Илью немедленно, но немедленно у власти означало не то же, что у пожара.

Аду и Орса унесли в длинное здание лечебного двора. Сем хотел идти за сестрой, однако она велела ему остаться с рамами.

— Если они выдержали меня, надо проверить, выдержат ли кого-нибудь тяжёлого.

— Я найду полковника, — предложил Сем.

— Найди совесть, она легче.

Илья опустился рядом с носилками. Один сыромятный ремень уже подсыхал и стягивал глиняную втулку. По по-

верхности пошла тонкая трещина.

— Лопнет, — сказал он.

— Эта лопнет. Я взял старую.

— Тогда зачем поставил?

— Чтобы увидеть где.

Сем снял деталь и провёл ногтем по трещине.

— Отверстия слишком близко к краю. Сделаю их ниже.

И не круг, а седло, чтобы давление уходило в дерево.

— Сколько времени?

— До обжига — день.

— Долго.

— Можно высушить у горна и обжечь быстро. Будут хуже, но к ночи получим десяток.

— Мне нужны не детали. Мне нужны носилки.

— А мне нужны люди, которые не думают, будто носилки растут на дереве целиком.

Илья сел на край снятого колеса. Усталость пришла сразу, как только исчез огонь перед глазами. Ныло плечо, которым он держал подпорку в штольне. Ладони саднило от мокрой пеньки. Сколько прошло с учебного обвала — шесть часов, восемь? На Земле сейчас могли разбирать тот же завал. Его каску нашли бы под камнями. Рация молчала. Жетон на груди показался тяжёлым.

— Ты правда из другого города? — спросил Сем.

— Из другого мира.

— Ада сказала бы, если бы ты ударился головой.

— Она думает, что ударился.

— Она всегда оставляет себе два ответа. Очень удобно.

Сем присел напротив.

— У вас носилки лучше?

— У нас есть лёгкий металл, ткань, которая не рвётся от воды, колёса с резиной, машины.

— Значит, лучше.

— Пока всё это рядом. Если нет — две жерди и одеяло.

— Тогда не рассказывай мне про лёгкий металл. Его у нас нет. Скажи, что должны уметь две жерди.

Илья перечислил. Не ломаться под весом взрослого. Не складываться от перекоса. Не пережимать тело ремнями. Проходить в дверь и на лестницу. Позволять поднять человека с земли как можно меньшим числом рук. Ставиться на тележную ось там, где ровно. Быстро освобождать ткань, если она загорелась или намокла.

Сем слушал и чертил угольком на обороте деревянной бирки.

— Если сделать одинаковые жерди, любую можно заменить, — сказал он. — Поперечины тоже одинаковые. Глиняные сёдла отмечу двумя цветами: красные у головы, чёрные у ног.

— Зачем цвет?

— У головы шире. Ты сам сказал, плечи не должны сжиматься.

— В дыму цвет не увидишь.

— Тогда на красных будет один выступ, на чёрных два. Нашупаешь.

Илья посмотрел на него.

— Мев предложил узлы по числу участков.

— Мев умеет считать только до тех пор, пока не надо платить за горшки.

— Вы всегда спорите?

— Иначе он решил бы, что прав.

Со стороны ворот ударил колокол. Не мерный, как прежде, а резкий: четыре частых удара, пауза, ещё четыре. Солдаты во дворе замерли. Потом сразу несколько отрядов бросились к складам.

— Что значит? — спросил Илья.

Сем побледнел.

— Попадание внутри города. Большое.

Над крышами нижнего квартала поднялось облако светлой пыли. Не дым — раздробленная штукатурка и камень. Через несколько мгновений пришёл глухой удар.

К воротам вбежала девочка в серой куртке. Худые косы выбились из-под шапки, на щеке была кровь. Стражник попытался схватить её, но она нырнула под рукой и понеслась к лечебному двору.

— Ада! — кричала она. — Где Ада Рейн?

Сем перехватил её у двери.

— Нори, стой. Что случилось?

— Дом писцов на Глиняном спуске. Попали в верхний

этаж. Там младшие ученики.

— Сколько?

— Двенадцать. Может, одиннадцать. Учитель Хасс вывел старших, а лестница упала.

Вейр уже отдавал приказы у ворот. Илья подошёл.

— Нужны люди на Глиняный спуск.

— Туда не пойдём. — Десятник даже не обернулся. —

Удар пришёлся рядом с внешней стеной. Будет второй.

— Там дети.

— Там дом, который может лечь на улицу. Мы закрываем проход и отводим людей.

Нори услышала.

— Они внизу! Под классом есть кладовая. Хасс велел им туда спуститься.

— Значит, если живы, переждут, — сказал Вейр.

— Чем дышать? Там одно окно, и его завалило.

Илья посмотрел на закрытые штабные двери. Полководец всё ещё заставлял его ждать.

— Сем, рамы выдержат дорогу вниз?

— Выдержат.

— Возьмём обе.

Вейр встал перед ним.

— Тебя вызвал Дорн.

— Передай, что я ждал. Потом появился человек, которому я нужнее.

— Ты не знаешь дороги.

— Нори знает.

Девочка вытерла кровь с щеки рукавом.

— Короткую.

— Конечно, — сказал Сем. — Длинных она не признаёт.

Они подхватили рамы. Вейр не приказал солдатам задерживать их. Возможно, не хотел устраивать борьбу на глазах у всего двора. Возможно, был рад отправить упрямого чужака туда, куда сам людей не поведёт.

У ворот Илья оглянулся.

— Если будет второй удар, пришли наблюдателя на крышу. Пусть хотя бы крикнет.

— Я не получал такого приказа.

— Тогда придумай сам.

Глиняный спуск оказался не улицей, а чередой лестниц, переулков и проходных дворов. Нори бежала впереди, выбирая щели между домами. Дважды Сем ругался, что носилки не проходят. Девочка отвечала, что люди проходят, а про носилки её не спрашивали.

На середине пути их догнал Лин.

— Мев послал, — выдохнул он. — Увидели пыль. Где пожар?

— Пока не знаем. Вернись.

— Я умею держать конец.

— Здесь нет каната.

Лин показал моток на плече. Тот самый тонкий шнур Мева.

Илья хотел отправить его обратно. Потом вспомнил дом с единственным окном и упавшей лестницей.

— Идёшь рядом с Семом. Никуда один. Если скажу назад — идёшь назад.

— Я не Тей, — сказал мальчик.

— Поэтому спорить вообще не будешь.

У дома писцов стояли солдаты. Они натянули поперёк улицы верёвку и отгоняли жителей. Трёхэтажное здание осело на правый угол. Верхняя стена раскрылась, как сломанный ящик; из комнат торчали балки, столы и полосы бумаги. Пыли было столько, что она лежала на волосах людей седым налётом.

Учитель Хасс сидел у стены, прижимая к голове окровавленную ткань.

— Там дети, — повторял он каждому, кто подходил. — Под классом. Я велел вниз, когда услышал метатель.

Старший солдат преградил Илье дорогу.

— Дом списан. Ждём, пока осядет, потом разберём.

— Кто решил, что осядет?

— Кладка треснула до основания.

Илья не спорил. Сначала осмотрел здание с улицы. Правый угол действительно держался на обломках. Но подвальная кладовая находилась, по словам Хасса, под левой половиной. Вход в неё шёл из коридора, где обвалилась лестница. Единственное окно выходило в узкий боковой двор.

— Покажи двор, — сказал он Нори.

— Там проход закрыт сараем.

— Закрыт дверью или стеной?

— Чужим козым загоном.

Она повела их через соседний дом. Хозяйка без вопросов открыла кухню, потом калитку. За ней пахло навозом и известью. Козий загон прижимался к стене писцового дома. Над крышей сарая виднелось маленькое окно у самой земли, наполовину засыпанное кирпичом.

Илья лёг на доски и прислушался. Сначала слышал только коз. Потом — слабые удары.

Он постучал камнем по стене: два коротких.

Изнутри ответили. Тоже два.

Лин просиял:

— Здесь.

— Здесь, — подтвердил Илья. — Но не значит, что выход свободен.

Он крикнул в щель. Ответила женщина. Наставница Лера, двенадцать детей, один ранен осколком, воздух тяжёлый, дверь кладовой заклинило. Значит, Нори ошиблась в меньшую сторону: внутри были тринадцать человек.

— Отойдите от окна, — велел Илья. — Закройте лица тканью. Будем разбирать.

Сарай мешал подобраться к стене. Его можно было сломать, но крыша была привязана к балке дома. Если дёрнуть, обломки над окном могли сдвинуться.

— Носилки, — сказал Сем.

— Что?

Гончар уже разбирал первую раму. Он вынул клинья из глиняных сёдел, снял две поперечины и просунул длинные жерди под крышу козьего загона.

— Поднимем целиком. Не ломать же хорошее дерево.

Хозяйка дома возмутилась:

— А коз куда?

— В кухню, — ответила Нори.

Пока хозяйка выбирала между разрушенным сараем и козами у стола, Лин отвязал животных. Сем использовал поперечины как распорки, а две длинные жерди — как рычаги. Вместе они приподняли край крыши, подложили камни и вытащили переднюю стенку загона. Сарай не развалился. Его сдвинули в сторону настолько, чтобы открыть окно.

Теперь стало видно повреждение. Каменный наличник треснул, но верхняя перемычка держалась. Кирпичи завалили проём почти до щели. Илья начал вынимать их сверху по одному. Сем удерживал соседние камни деревянными клиньями. Лин привязал тонкий шнур к корзине, и через окно внутрь передали кружку воды и мокрые тряпки.

— Сначала раненый, — сказала наставница.

Проём был слишком узок для носилок и едва достаточен для ребёнка. Илья расширил его вниз, не трогая треснувшую перемычку. Изнутри дети оттаскивали кирпичи. Работали молча, только кашляли.

С улицы прибежал солдат.

— Всем отойти! Наблюдатель дал знак, метатель снова заряжают!

Вейр всё-таки поставил человека на крышу.

— Сколько до удара? — спросил Илья.

— Не знаю.

— Откуда стреляют?

— С южного холма.

Илья посмотрел на обломки верхней стены. Второй снаряд мог попасть куда угодно. Можно было отойти и оставить тринадцать человек в кладовой. Можно было продолжить и сделать вид, что риск касается только его.

— Лера! — крикнул он в окно. — Снаружи готовят новый удар. Мы можем отойти до него или выводить сейчас через узкий проём. Если ударит рядом, стена может сложиться.

Женщина ответила не сразу.

— Если останемся, дверь выдержит?

— Не знаю.

— Если полезем, успеют все?

— Тоже не знаю.

— Тогда выводим. Младших первыми. Я последняя.

Это был её выбор, не приказ спасателя. Илья принял его.

Первая девочка пролезла сама. Сем подхватил её и передал Нори. Второго ребёнка пришлось вытягивать за плечи. Третий плакал и цеплялся за камни. Лин говорил с ним через щель, пока Илья направлял ноги.

Раненого мальчика принесли пятым. Осколок разорвал

бедро, повязка пропиталась кровью. Через окно его нельзя было согнуть без риска усилить кровотечение.

— Нужна ровная опора, — сказал Илья.

Сем положил рядом снятую поперечину.

— Узкая.

— Зато пройдёт.

Они обернули жердь войлоком, продели под него два ремня и передали внутрь. Лера привязала мальчика к импровизированной шине от лопаток до пяток. Илья вытянул жердь через окно, Сем поддерживал голову. Снаружи переложили ребёнка на вторую, целую раму. Глиняные сёдла не дали ремням сползти к середине.

— Несите к Аде, — сказал Илья.

— Я остаюсь, — ответил Сем.

— Здесь ещё восемь. Там ребёнок истекает кровью.

Гончар посмотрел на дом, потом на мальчика.

— Нори знает дорогу.

— Она не поднимет носилки.

Старший солдат стоял у калитки. Илья ткнул пальцем в раму.

— Двух людей. Сейчас.

— Дом списан.

— Ребёнок уже снаружи. Он тоже списан?

Солдат отвёл глаза и позвал двоих. Сем показал им, где брать жерди и почему нельзя хвататься за поперечины. Нори побежала впереди.

Удар пришёл, когда вывели девятого ребёнка.

Воздух сжался. Где-то выше разлетелась черепица. Земля толкнула Илью в колени. Дом писцов заскрипел всем каркасом. Из трещины над окном посыпалась известь.

— Назад! — крикнул Сем.

Илья отполз, закрывая голову руками. Камень размером с кулак ударил туда, где секунду назад лежало его плечо. Перемычка над окном опустилась на толщину пальца и остановилась на деревянных клиньях.

Из кладовой донёсся плач.

— Все живы? — крикнул Илья.

Лера пересчитала. Четверо детей и она.

— Быстро, — сказал Сем. — Клинья раздавит.

Они не стали расширять проём дальше. Десятого и одиннадцатого детей протащили через щель, обдирая одежду. Двенадцатая девочка застряла плечами. Она начала вырываться.

— Не двигайся, — сказал Илья. — Выдохни. Руки вперёд, одну выше другой.

— Я не могу.

— Можешь. Смотри на Лина.

Лин лёг напротив окна, протянул руку и сказал:

— Два коротких. Здесь. Давай мне ладонь.

Девочка перестала биться. Просунула одну руку, потом вторую. Илья повернул её боком и вытянул. На куртке осталась полоса крови от содранного плеча, но кости были целы.

Лера полезла последней. В этот момент один клин треснул. Перемычка снова осела и прижала женщине юбку. Сем схватил жердь от разобранных носилок, вставил под камень и навалился.

— Режь ткань! — крикнул он.

Илья разрезал юбку ножом. Лера выползла. Сем отпустил рычаг, и окно закрылось камнем почти полностью.

Они успели отойти во двор соседнего дома, когда правая половина здания обрушилась. Улица исчезла в пыли. Солдаты за верёвкой закричали, люди бросились назад. Козы в кухне опрокинули стол.

Илья сел у стены. В ушах звенело. Лера пересчитывала детей, касаясь каждой головы. Двенадцать. Все вышли. Один уже ехал к лекарям.

Сем лежал на спине рядом с разбитыми глиняными сёдлами. Одно рассыпалось под рычагом, другое треснуло пополам.

— Вот теперь проверили тяжёлым, — сказал он.

— Носилки развалились.

— Одни разобрали. Вторые уехали целыми. Разница существенная.

Илья поднял уцелевшую поперечину. На глине остался глубокий след от ремня, но отверстие выдержало.

— Красные у головы, чёрные у ног, — напомнил он.

— Один выступ и два. Цвет в дыму не виден.

— И одинаковые жерди.

— Двенадцать рам к ночи.

— Ты говорил десять деталей.

— Теперь знаю, зачем спешить.

Старший солдат подошёл, весь серый от пыли.

— Я записал дом потерянным, — сказал он.

— Дом потерян, — ответил Илья.

— Я записал вместе с людьми.

Он смотрел на детей, которых уже уводили через соседнюю кухню.

— Как тебя зовут? — спросил Илья.

— Рет.

— Рет, в следующий раз сначала постучи в стену.

Солдат кивнул. Не оправдывался и не обещал. Потом поднял целую раму носилок за передние жерди.

— Куда нести?

— В мастерскую Сема. Сначала сделаем ещё.

Когда они вернулись к верхнему двору, двери штаба были открыты. На крыльце стоял высокий человек в багряном плаще. Серебряные застёжки у горла блестели, сапоги оставались чистыми, хотя весь нижний город покрылся пылью.

Полководец Кайр Дорн смотрел, как двое солдат несут раненого ребёнка на раме гончара.

— Я приказал привести тебя, — сказал он Илье.

— Меня привели.

— Через два часа.

— Тринадцать человек не могли ждать.

Дорн перевёл взгляд на Сема, на сломанные детали в его руках, на Нори, которая держала окровавленную повязку. Его лицо не изменилось.

— Дом на Глиняном спуске был признан потерянным.

— Дом — да, — ответил Илья. — Люди — нет.

Во дворе стало тихо. Дорн спустился на одну ступень.

— Завтра утром ты объяснишь мне, почему распоряжаешься моими солдатами, водой и дорогами.

Илья посмотрел на полные цистерны, на мокрые плиты и на носилки, которые Рет нёс без приказа.

— А вы объясните, почему считаете их своими.

Глава 5. Приказ Кайра Дорна

К утру двор перед штабом вымыли.

Ночью по камням текла кровь раненых, солдаты таскали ящики, а у стены сидели люди, которым не нашлось места в лечебном дворе. Теперь плиты были серыми и мокрыми. Двое мальчишек в одинаковых коротких куртках сгребали грязную солому в корзины. Илья заметил красные от холодной воды руки одного и подумал, что для порядка в штабе вода всё-таки нашлась.

Сем пришёл с ним, хотя Ада велела ему поспать хотя бы три часа. Под глазами у гончара лежали тёмные круги. За плечом он нёс одну из новых рам: две одинаковые жерди, три поперечины, туго натянутый холст и глиняные сёдла для ремней. У изголовья на каждом седле выступал один округлый зубец, у ног — два. Сем заставил Илью в темноте трижды найти нужный конец на ощупь и только после этого разрешил взять носилки в штаб.

Нори осталась за воротами. Часовой не пустил её внутрь, и она села на каменный столбик, будто именно там собиралась провести всё утро. Лин ждал у мастерской с Мевом. Двенадцать рам ещё надо было развести по кварталам, и Илья запретил мальчику тащиться к полководцу.

Запретил — и сам услышал слово, которое слишком легко вошло в речь.

В штабе пахло воском, мокрой шерстью и пережжённым кофе или чем-то очень на него похожим. На стене висела карта города. Не нарисованная для красоты, а рабочая: края засалены, улицы перечёркнуты углём, к воротам приколоты полоски ткани. На столе лежали дощечки с числами. Возле каждой — камни двух цветов.

Кайр Дорн стоял у окна без багряного плаща. На нём был простой серый мундир, но серебряные застёжки остались. Рядом находились Вейр, седой писарь и женщина в кольчуге с перевязанной кистью. Её Илья раньше не видел.

— Опоздал на четыре минуты, — сказал Дорн.

— У западной лестницы сломалась телега. Мы освободили проезд.

— Значит, начал исполнять мой приказ до того, как услышал его.

— Мы вытащили телегу, потому что за ней застряли люди.

— И обоз с мукой.

Дорн показал на карту. Четыре деревянные фишки стояли на улице, по которой Илья только что прошёл. Полководец уже знал о телеге. Возможно, узнал раньше, чем они дошли до штаба.

— Подойди, — велел он.

Илья не сдвинулся.

— Если хотите разговаривать, зовите по имени.

Женщина в кольчуге усмехнулась. Вейр отвернулся, будто рассматривал карту.

Дорн выдержал паузу.

— Подойди, Илья Ратников.

Он произнёс фамилию почти правильно. Значит, Вейра расспросили подробно.

Илья поставил раму у стола. Сем остался возле двери.

На карте нижние кварталы были зажаты между внутренней стеной, рекой и тёмной дугой складов. Илья узнал красильню, дом писцов, Глиняный спуск. На месте сгоревшего двора стоял чёрный камешек. Над ним — белый. Потерянное и спасённое, догадался он.

Белых камней было больше, чем он ожидал. Дорн считал людей. Просто считал не так, как Илья.

— За вчерашний день, — сказал полководец, — южная армия выпустила девятнадцать камней. Семь попали в жилые дома, три — в мастерские, один — в казарму, остальные разбились на улицах. Мы потеряли сорок шесть воинов убитыми и неспособными держать оружие. Ещё сто двенадцать ранены. Северная дорога закрыта. На восточном берегу замечены новые метатели. Через два дня, возможно раньше, они начнут общий приступ.

Он переставил серый камень к восточной стене.

— В городе двадцать семь тысяч жителей и четыре тысячи семьсот воинов. У меня осталось зерна на шестнадцать дней, если выдавать гражданским половину обычной меры. Масла — на девять. Стрел — на два больших приступа. Воды пока достаточно, если она идёт на питьё, лечебный двор, коней

и гашение пожаров возле стены. Если мы потеряем дороги, склады или ворота, погибнут не тринадцать человек в доме писцов.

Он не повышал голоса. Не называл жителей трусами, не требовал благодарности. Просто двигал камни, и от этого его доводы становились опаснее.

— Погибнут тысячи, — закончил Дорн. — Ты это понимаешь?

— Да.

— Хорошо. Тогда не будем тратить время на спор о том, умею ли я считать дальше одного двора.

Илья посмотрел на белый камень возле дома писцов.

— Вы умеете считать. Вопрос в том, когда перестаете.

Женщина в кольчуге перестала усмехаться.

Дорн взял со стола узкую дощечку.

— Вчера твои люди освободили три проезда, погасили два пожара, разобрали завал у водной улицы и вынесли двадцать восемь раненых. Вместе с домом писцов — сорок одного человека. Двое солдат, которых ты привлёк без разрешения, вернулись в строй. Один из них, Рет, отказался от вечернего караула, потому что помогал гончару.

Сем заговорил от двери:

— Я его не держал. Он сам остался.

— Поэтому он получил не плети, а лишился сна, — ответил Дорн. — Я различаю неповиновение и полезную глупость.

Илья провёл пальцем над картой, не касаясь её.

— Зачем мы здесь?

— Чтобы сделать твою полезность неслучайной.

Дорн кивнул писарю. Тот развернул лист плотной бумаги и начал читать:

— Илье Ратникову, чужеземцу без городского звания, дозволяется собирать рабочие звенья числом до восьми человек каждое для разбора завалов, переноса раненых и освобождения улиц. Звенья подчиняются десятникам соответствующих участков. Воины могут быть выделены по решению старшего участка. Все канаты, дерево, ткань, глина, масло и железо учитываются военным двором. Вода из городских цистерн выдаётся только по знаку водного начальника. Спасательные работы не должны мешать передвижению войск и обозов. При столкновении нужд первенство имеют стена, ворота, склады и лечебный двор гарнизона.

Писарь перевёл дыхание.

— Нижним кварталам запрещается выдача воды для тушения отдельных домов, если огонь не угрожает военной дороге, складам или внутренней стене. Самовольный набор воды, вскрытие колодцев и изменение водных желобов считаются военным преступлением.

В комнате стало слышно, как мальчишки во дворе скребут соломой по камню.

— Вот зачем вымыли двор, — сказал Сем. — Чтобы нижние улицы не получили лишнего ведра.

Женщина в кольчуге шагнула к нему.

— Ещё слово о штабе, гончар, и будешь обжигать горшки в караульной яме.

— Рема, — негромко произнёс Дорн.

Женщина остановилась.

— Воду со двора собирают в нижнюю бочку и используют повторно для конюшни, — продолжил полководец. — Мальчишки работают за хлеб и освобождение семьи от земляных работ. Если хочешь обвинить меня в растрате, Сем Рейн, сначала спроси.

Сем сжал челюсть, но кивнул.

— Спросил. Ответ слышал.

Дорн повернулся к Илье.

— Ты хотел объяснения. Получил. Я разрешаю тебе продолжать. Взамен ты освобождаешь дороги для войск, работаешь там, где прикажут участковые десятники, и не забираешь воду сам.

— А если горит дом в нижнем городе?

— Выводишь людей. Не тратишь воду на стены, которые всё равно не удержишь.

— Мокрый войлок может остановить переход огня на соседний дом.

— Иногда. Вчера на красильне вам повезло.

— Нет. Тей знала ткани и краски. Мев знал канат. Сем знает глину. Это не везение.

— Тем более. Используй людей, а не воду.

Илья взглянул на карту. Нижние улицы шли тесно, крыша к крыше. Если загорятся два дома в сухую погоду, выводить людей придётся из целого квартала. Если огонь дойдёт до складов, Дорн откроет воду, но к тому времени район уже станет топливом.

— Сколько воды в четырёх районных цистернах?

Писарь поднял глаза на полководца.

— Не твоё дело, — сказала Рема.

— Моё, если вы хотите, чтобы я решал, какой дом удерживать.

— Ты не будешь решать, — ответил Дорн. — Для этого есть водный начальник.

— Где он был при пожаре на красильне?

Вейр кашлянул.

— На западной стене. Там загорелся настил.

— И правильно был, — сказал Дорн. — Потеря настила открыла бы нападающим участок стены.

— Тогда назначьте человека, который может открыть воду внизу, пока начальник наверху.

— Назначен. Его знак получают десятники.

— Вейр вчера не получил.

Вейр поморщился, но не возразил.

Дорн постучал пальцем по столу один раз.

— Ты здесь третий день и уже решил, что осада устроена плохо.

— Я здесь третий день и дважды видел, как люди не зна-

ли, кто может принять решение. При обрушении это хуже неправильного решения. Все ждут, пока разрешение пройдёт через полгорода, а потолок не ждёт.

— Поэтому ты предлагаешь раздать ключи от воды ремесленникам?

— Я предлагаю дать участковому человеку право на небольшой запас. Сколько именно — решите вы. Пусть он отвечает за него и пишет, куда ушло каждое ведро.

— Пишет во время пожара?

— После. Если останется жив.

Рема фыркнула. Писарь, напротив, наклонился над картой.

— В бочках возле колокольных ниш можно держать по двадцать вёдер, — сказал он. — Они всё равно наполняются после дождя.

— И замерзают зимой, — заметил Вейр.

— Сейчас не зима, — ответил Сем.

Дорн посмотрел на каждого по очереди. Илья увидел момент, когда полководец не просто слушал, а пересчитывал выгоду. Четыре бочки не спасут квартал. Но дадут первые минуты и привяжут новые звенья к десятникам. Для Дорна это был не только запас воды, но и повод поставить над добровольцами своих людей.

— Две бочки, — сказал он. — У Глиняного спуска и красивого ряда. Наполнять водой после стирки и из дождевых желобов. Чистую воду из цистерн не брать. Ключи у десят-

ников.

— Один ключ у десятника, второй у человека от улицы,
— предложил Илья. — Замок открывается любым.

— Тогда зачем два?

— Чтобы бочка не стала вашей и не стала чьей-то лавкой.
Открыть может каждый из двух. После оба объясняют рас-
ход.

— Ты не доверяешь моим десятникам.

— Я их почти не знаю. И вы почти не знаете людей ниж-
него города.

— Я знаю, сколько там жителей.

— Это не одно и то же.

Дорн долго смотрел на него. Потом подвинул белый ка-
мень у дома писцов на ширину ногтя.

— Два ключа. Одного человека от каждой улицы назовёт
десятник, второго выберут жители. Если выбранный человек
сбежит или продаст воду, отвечать будешь ты.

— Нет.

Рема положила ладонь на рукоять меча.

— Ты очень часто говоришь это слово, чужеземец.

— Потому что мне часто предлагают отвечать за чужой
выбор. Я могу показать, как хранить воду и когда её приме-
нять. Жители сами выберут человека и сами отзовут. За мой
совет отвечаю я. За их решение — они.

Дорн прищурился.

— Удобное устройство. Никто ни за кого не отвечает.

— Наоборот. Каждый отвечает за то, что действительно может сделать. Иначе вы назначите меня виноватым за кражу, которую я даже не видел, а настоящий вор растворится среди всех остальных.

Сем тихо сказал:

— У нас в цехе так. Мастер отвечает за печь, но не за руки каждого ученика.

— В цехе не идёт война, — бросила Рема.

— Печь взрывается не хуже метательного камня.

Дорн поднял ладонь, обрывая спор.

— Жители отвечают за выбранного хранителя круговой порукой. Украденную воду возвращает улица. Ты отвечаешь за устройство бочек и обучение. Десятник — за учёт. Это принимаешь?

Илья не любил круговую поруку. Она заставляла честных платить за вора и легко превращалась в расправу над слабым. Но две бочки могли появиться сегодня. Отказ не давал нижнему городу ничего.

— Возвращают воду работой, не наказанием, — сказал он. — Чистят желоба, чинят крышу цистерны, носят воду в лечебный двор. Никого не бьют и не лишают питья.

— Ты ставишь условия полководцу в осаждённом городе.

— Я объясняю, при каких условиях люди будут хранить вашу воду, а не прятать от вас.

Дорн усмехнулся впервые. Улыбка вышла короткой и холодной, но настоящей.

— Теперь я понимаю, почему ты мне не нравишься. Ты торгуешься так, будто у тебя есть армия.

— У меня есть люди, которые вчера полезли под падающий дом без жалованья.

— Это и есть самая дешёвая армия.

— Нет. Армии выполняют приказ. Эти люди могут уйти. Полководец перевёл взгляд на Сема.

— Уйдёшь, если он скажет делать то, что считаешь неправильным?

— Если успею объяснить, — ответил гончар.

— А если не успеешь?

— Тогда сделаю по-своему и потом выслушаю, как он орёт.

— Он орёт?

— Пока нет. Но третий день только начался.

Вейр спрятал улыбку в кулак.

Дорн вновь стал серьёзен.

— Условия по бочкам принимаю. Теперь мои. До полудня освободить Медную улицу от телег и торговых навесов. Это путь для западного резерва. Затем разобрать завал у соляного склада. Под ним могут быть люди, но первейшая задача — открыть ворота склада. После этого осмотреть дома вдоль внутренней стены и отметить те, что упадут на дорогу при следующем обстреле.

— Сколько звеньев вы нам дадите?

— Я разрешил собрать свои.

— Людей надо кормить. Им нужны инструменты.

— Получат по хлебной мере за полный день и доступ к складу лопат. Канат — только под запись. Железо не выдавать.

Сем поднял раму.

— А дерево и ткань на носилки?

— Сколько?

— Двенадцать готовы. Нужно ещё восемнадцать.

— Зачем тридцать?

— Потому что носилки не ходят обратно сами. Одни остаются у лекарей, другие у завала, третьи ломают солдаты, когда хватают за поперечины.

Вейр взглянул в потолок.

Дорн подошёл к раме и надавил на холст ладонью. Потом взялся за поперечину.

— Не здесь, — одновременно сказали Илья и Сем.

Полководец отпустил.

Сем показал один выступ у головы и два у ног, объяснил, как вынимать одинаковые жерди, как менять разбитое седло и почему руки кладут только на длинные стороны. Дорн слушал без нетерпения. Попросил перевернуть раму, осмотрел узлы, велел Реме лечь на холст.

— Мне? — переспросила она.

— Ты тяжелее писаря и легче Вейра в доспехе.

Рема сняла меч и легла. Сем с Вейром подняли раму. Дорн велел им повернуться в тесном проходе между столом и сте-

ной, опустить головной конец, снова поднять. Одно глиняное седло тихо хрустнуло.

Сем сразу поставил носилки на пол.

— Что сломалось? — спросил Дорн.

— Ничего. Глина притёрлась к жерди. Если трещина пойдёт насквозь, ремень удержит осколки до замены.

— Сколько стоит одна рама?

— Меньше сапог вашей сотницы.

Рема села.

— Мои сапоги переживут твою глину.

— Но не вынесут тебя со сломанной ногой.

Дорн велел писарю выдать дерево на восемнадцать рам, ткань — на двенадцать.

— Почему не на восемнадцать? — спросил Сем.

— Потому что в городе есть старые мешки. Ты мастер. Приспособишь.

Сем хотел возразить, но Илья коснулся его локтя. Двадцать новых рам вместе с готовыми двенадцатью были лучше, чем вчерашние две. За остальные шесть они найдут полотно сами.

— И последнее, — сказал Дорн. — Твои канатные знаки.

— Не мои. Мева.

— Мне безразлично, чьё имя на верёвке. Красные полосы видны с крыш. Если противник заметит, он поймёт, где начинается движение жителей. Поэтому ни одной линии возле стены без разрешения Ремы. Ни одного колокольного сигнала.

ла. Никаких костров на крышах.

— Красная полоса не передаёт приказ, — сказал Илья. — Только предлагает выйти и найти человека.

— Враг не станет разбираться в ваших тонкостях. Он увидит знак и ударит туда, где собираются люди.

Это было разумно. Настолько разумно, что Илья почувствовал злость не на приказ, а на саму войну, превращавшую спасательный знак в мишень.

— Тогда нужны разные способы для разных улиц. Там, где видно со стены, человек передаёт предупреждение по дворам. В переулках остаётся канат.

— Человек медленнее.

— Зато может сказать, куда идти и чего именно бояться.

— Согласовано, — произнёс Дорн. — Рема покажет улицы, видимые с южного холма.

Сотница недовольно посмотрела на полководца, но промолчала.

Писарь подал Илье лист и угольный стержень.

— Поставь знак.

Илья прочёл приказ ещё раз. Главная ловушка осталась на месте: спасательные работы разрешались, пока служили войску. При столкновении нужд дорога и склад всегда оказывались важнее дома. Вода нижнему городу по-прежнему не полагалась, кроме двух маленьких бочек с грязной водой. Отказаться означало потерять доступ к инструментам, хлебу и улицам. Согласиться — дать Дорну возможность назвать

любое действие исполнением его воли.

— Я подпишу, что получил приказ, — сказал Илья. — Не то, что считаю любой дом менее важным, чем ваш склад.

— Приказы не требуют согласия.

— Тогда моя подпись вам не нужна.

Дорн взял уголь и сам провёл на листе короткую черту.

— Пиши: «Прочитал». Этого достаточно.

Илья написал имя. Русские буквы среди местных знаков выглядели как ещё один обломок чужого мира.

— Почему вы вообще меня допускаете? — спросил он.

Дорн подошёл к окну. Во дворе мальчишки уже закончили уборку. Один выливал серую воду в нижнюю бочку.

— Потому что через два дня у меня может не хватить солдат, чтобы вытаскивать раненых со стены. Потому что жители слушают тебя после трёх дней больше, чем моих людей после трёх лет. Потому что запрещённая работа всё равно будет сделана, но без учёта и дороги. И потому что вчера тринадцать человек вышли из дома, который я потерял на карте.

Он коснулся белого камня.

— Я не люблю терять то, что можно сохранить. Не путай это с мягкостью.

— Не путаю.

— И ещё. Если придётся выбирать между одним кварталом и городом, я выберу город. Между твоим звеном и воротами — ворота. Между тобой и тысячей воинов — воинов.

Я говорю сейчас, чтобы потом ты не называл это предательством.

— А я говорю сейчас: если вы решите, что город — это стены без людей, я вам не помогу.

— Тогда постарайся, чтобы такого выбора не случилось.

Илья вышел из штаба с приказом, разрешением на хлеб, восемнадцать рам и двумя бочками воды после стирки. Это напоминало спасённого человека с перебитыми ногами: жив, но далеко не уйдёт.

Нори соскочила со столбика.

— Вас не заперли.

— Наблюдательная.

— А воду дали?

— Две бочки.

— Всего?

— Пока.

Она прочла приказ быстрее, чем Илья ожидал. Палец девочки остановился на строке о колоколах.

— Значит, звонить нельзя.

— Пока нельзя.

— А если три удара не колоколом?

— Нори.

— Я только спросила.

— Сначала разберёмся, что люди слышат с разных крыш.

Один звук может значить разное, если ветер или стены его съедят.

Она сложила лист и вернула ему.

— Значит, надо проверить.

— Значит, сегодня ты помогаешь выбрать хранителей бочек и не придумываешь тайную войну со штабом.

— Я не придумываю тайную. Я громкую хочу.

Сем рассмеялся впервые за утро.

На Медной улице их уже ждали. Вейр прислал шестерых солдат, но только двое пришли с ломами; остальные держали копья и требовали, чтобы торговцы сами убрали навесы. Торговцы отвечали, что им некуда деть товар. Узкая дорога была заставлена телегами, корзинами, клетками, тюками ткани и бочонками. Над всем этим висели дощатые крыши на кривых стойках.

— Сколько времени? — спросил Илья.

— До полудня, — ответил старший солдат.

— Когда пойдёт резерв?

— Не сказано.

— Откуда и куда?

— Не твоё дело.

Илья показал приказ.

— Моё, если я должен оставить проход нужной ширины.

Солдат нехотя ткнул копьём в сторону внутренней стены.

— От казарм к западной лестнице. Четыре человека в ряд. Телеги с болтами следом.

Илья прошёл улицу до конца. Полностью очистить её означало разорить десятки лавок и потратить день. Для во-

инов и телег хватало центральной полосы. Но один испуганный человек, выбежавший из двери, мог попасть под колёса. Нужны были не только свободные камни, но и понятные края.

Сем поставил носилки поперёк улицы.

— Две рамы по длине и ещё локоть, — сказал он. — Пройдёт телега?

Возчик измерил взглядом.

— Если колёса не пляшут.

— Здесь пляшут все, — сказала Нори.

Они выбрали ширину в две с половиной рамы. Не требовали унести лавки целиком. Навесы подняли выше и закрепили к стенам, корзины сдвинули в дверные ниши, тяжёлые бочки оставили на месте и обвели мелом. Нори нашла учеников писцовой школы. Те рисовали на стенах белые стрелы к дворам, куда жители должны были отойти при сигнале. Лин с Мевом принесли короткие отрезки каната и связали ручки у переносных корзин попарно: двое людей брали сразу по четыре.

Солдаты сперва стояли. Потом Рет молча поставил копьё к стене и поднял край прилавка. Второй помог ему. Через четверть часа работали все, кроме старшего.

— Вам велено охранять, — сказал тот.

— От кого? — спросил Рет, не отпуская доску.

— От беспорядка.

— Так вот же он.

К полудню по Медной улице прошла первая телега. Колёса задели меловую черту, но ни одной корзины не опрокинули. За ней двинулись воины. Люди заранее отошли во дворы. Никто не метался перед строем, никого не били древком, ни один навес не пришлось рубить.

Рема ехала во главе резерва. Увидев стрелы на стенах, она нахмурилась.

— Кто разрешил знаки?

— Приказ запрещает канатные линии возле стены, колокола и костры, — ответил Илья. — Мел не запрещает.

— Любишь щели в словах.

— Люблю, когда люди знают, куда отойти.

Она оглянулась на телеги, которые шли без задержки.

— До вечера знаки смыть.

— Почему?

— Ночью по ним пойдут вражеские лазутчики.

Илья едва не возразил. Потом посмотрел на стрелы: все они действительно вели в открытые дворы. Для спасения это было полезно, для чужого человека — тоже.

— Смоем после прохода последней телеги. Завтра сделаем знаки, понятные жителям, но не показывающие путь издалека.

— Какие?

— Спрошу у тех, кто здесь живёт.

Рема кивнула так, будто именно этого ответа ждала, и повела коня дальше.

У соляного склада звено нашло под завалом двоих грузчиков. Один был мёртв, второй дышал в щели между мешками. Военный приказ требовал открыть ворота. Илья не стал выбирать между человеком и складом. Сем показал, какие балки держат навес; Рет с солдатами поднял перекошенную створку ворот, а Мев провёл отдельный канат к мешкам над раненым. Когда створку приподняли, телега протиснулась внутрь. Пока писари считали соль, Илья с четырьмя грузчиками вытащил живого.

На это ушло больше времени, чем если бы все разбирали только ворота. Но меньше, чем если бы сначала открыли склад, сдвинули мешки и обрушили их на человека.

Под вечер у Глиняного спуска поставили первую бочку. Она была винной, с тёмными обручами и запахом кислых яблок. Тей привела прачек, которые вылили в неё тёплую серую воду. Десятник получил один ключ. Второго хранителя выбирали прямо во дворе.

Люди кричали имена. Кто-то предлагал хозяина колодца, кто-то старшую прачку, кто-то Сема. Сем отказался: его мастерская стояла далеко, а ключ должен был быть рядом и ночью.

Выбрали Хару, вдову с двумя взрослыми дочерьми. Она жила напротив бочки, держала лавку с пуговицами и умела перекричать целый двор. Хара взяла ключ, подняла его над головой и сказала:

— Если придёте за водой для драки, оболью вас самих.

Если для огня — сначала покажете, где горит.

— А если вас нет? — спросила Нори.

Хара сняла с шеи шнурок.

— Тогда ключ у старшей дочери. Но отвечает улица, значит, каждая женщина здесь знает, где он.

Десятник открыл рот, чтобы возразить, но Илья опередил:

— Хорошо. Только не прячьте его рядом с бочкой.

Они проверили крышку, поставили рядом два ведра и кошму. Илья показал, как лить не в середину пламени, а смачивать то, что ещё не загорелось, как закрываться мокрой тканью от жара и почему нельзя идти в дым одному. Тей поправляла его, когда речь заходила о масле и краске. Прачки знали, какая ткань набирает воду быстро, а какая становится тяжёлой и рвётся. Через полчаса объяснял уже не Илья. Хара заставляла соседей по очереди поднимать мокрую кошму, Тей проверяла хват, Нори записывала имена.

Дорн хотел включить звенья в свою систему. Илья согласился на хлеб, инструменты и дороги, потому что без них люди погибали сегодня. Но возле тёмной винной бочки приказ начал меняться. Не на бумаге — там нижний город всё ещё стоял после стены, склада и ворот. Он менялся в руках тех, кто получил ведро, ключ и право сказать: здесь горит, здесь мы действуем.

Когда стемнело, Илья вернулся к штабу отдать список работ. Двор снова был грязным. По мокрым плитам катили бочки с болтами, у стены перевязывали солдата. Кайр Дорн

стоял на крыльце и смотрел на Медную улицу, по которой без остановки шли последние телеги.

— Приказ исполнен, — сказал он.

— Частично. Вторую бочку поставим утром. В домах у внутренней стены осмотрено девять строений из двадцати трёх.

— Но дорога свободна и склад открыт.

— И грузчика вынесли живым.

— Его имя есть в списке?

Илья подал дощечку.

Дорн нашёл строку, провёл ногтем и переложил возле соляного склада чёрный камень. Рядом поставил белый.

— Я считаю до конца, Ратников, — сказал он.

— Тогда не убирайте белые, когда их станет неудобно много.

С южного холма донёсся глухой удар метателя.

Оба одновременно подняли головы.

Камня ещё не было видно. Где-то на крыше закричал наблюдатель. Потом ударил колокол — один раз, второй, третий. Между вторым и третьим ветер повернул, и последний звук пришёл слабым, будто из другого квартала.

На Медной улице люди замерли. Одни побежали во дворы по ещё не смытым стрелам. Другие, услышав только два удара, остались у лавок и смотрели на стену.

Илья уже бежал к воротам штаба.

— Ваши колокола, — крикнул вслед Дорн.

— Не мои! — ответил Илья. — Поэтому надо узнать, что именно слышали люди.

Камень показался над крышами — чёрная точка, которая росла слишком быстро.

Глава 6. Три удара в колокол

Камень прошёл над штабом.

Илья увидел его снизу — неровный чёрный ком, на миг закрывший полоску бледного неба. Он летел не туда, куда смотрели люди на Медной улице. Ветер донёс первый крик с красильного ряда, и половина толпы повернула головы на звук.

— Не смотреть! — заорал Илья. — К стенам домов!

Он схватил Нори за ворот и втолкнул в арку. Сем прыгнул следом. Над крышами что-то треснуло, затем удар пришёл снизу, через подошвы. Камень попал не в улицу, а в верхний этаж дома через два двора. Крыша вздулась облаком черепицы. Обломки застучали по мостовой.

В арке закричала женщина. Её дочь осталась возле прилавка. Девочка стояла посреди очищенного прохода, прижав к груди корзину, и смотрела на падающие куски крыши.

Рет добежал до неё первым. Он не пытался нести ребёнка на руках, а схватил за плечи, пригнул и вместе с ней перекатился под навес. Кусок черепицы разбился там, где они только что стояли.

Камень не разрушил дом целиком. Он пробил крышу, перекрытие и застрял во втором этаже. Из окон хлынула пыль. Люди во дворе выбегали наружу, хотя снаружи ещё падали обломки.

— Нори, остаёшься здесь, — сказал Илья. — Считаю вышедших и отправляй под дальние арки. Сем — со мной. Рет, перекрой проход.

— У меня нет приказа, — ответил солдат.

— Теперь есть, — сказала с крыльца Рема. — Двое со мной на крышу. Остальные выполняют Ратникова.

Илья посмотрел на окна. Дым не шёл, только пыль. Дом стоял, но передняя стена выгнулась наружу. Входить через дверь было нельзя: над ней треснул пояс кладки. Соседний двор соединялся с пострадавшим низкой стеной.

— Кто жил наверху? — спросил он у женщины с корзиной.

— Старик Лоран и семья медника. Медник на стене. Жена, двое сыновей, мать.

— Сколько всего?

— Шестеро. Нет, семеро. У Лорана внучка ночевала.

Нори крикнула из арки:

— Из двора вышли четверо! Женщина, два мальчика и старая!

Значит, внутри Лоран и девочка. Ещё один человек терялся между чужим счётом и дверью.

Илья с Семом прошли через соседний дом, перелезли стену и оказались во дворе. Здесь пыль была гуще. Дверь распахнулась, из неё выбежала женщина с разбитым лицом.

— Там отец! — сказала она. — Лестница упала. Он наверху с Ри!

— Кто седьмой?

— Какой седьмой?

— Соседка насчитала семерых.

— Нас шестеро. Ри — моя дочь, она ночевала у деда.

Илья запомнил: первое число не становилось правдой только потому, что его выкрикнули уверенно.

Лестница внутри раскололась посередине. Нижний марш держался, верхний висел одним концом на площадке. Пролёт завалило штукатуркой и обломками мебели. Сверху донёсся кашель.

— Лоран! — крикнул Сем. — Отзовись!

— Здесь! Девочка жива!

— Отойдите от лестницы. Идите к окну во двор.

— Не могу встать!

Во дворе стояла приставная лестница, короткая и тяжёлая. До второго этажа она не доставала на два локтя. Сем подкатил пустую телегу, перевернул её кузовом вниз и упёр оглобли в стену. Лестницу поставили на плоское днище. Илья проверил колёса: одно подпёрли камнями, второе привязали к воротному столбу. Рет, пришедший следом, держал основание.

— Если телега сдвинется, не лови лестницу руками, — сказал Илья. — Отходи к стене и кричи.

— А вы?

— Упадём вместе с ней.

— Утешил.

Илья поднялся к окну. Рама заклинила. Он разбил остаток стекла рукоятью ножа, срезал острые края тканью и перелез внутрь.

Комната перекосилась. Шкаф упал поперёк пола, одна ножка провалилась в дыру. За ним лежал старик, прижатый балкой ниже колена. Девочка лет десяти сидела рядом и держала над его лицом край одеяла от пыли.

— Ри? — спросил Илья.

Она кивнула.

— Полезешь к окну первой.

— Дед не может.

— Поэтому ты освободишь место тем, кто будет его вытаскивать.

Девочка не спорила. Доподлинно понять опасность она не могла, но услышала задачу. Илья передал её Сему в окне. Затем осмотрел балку. Это был не несущий брус, а обломок перекрытия. Один конец лежал на ноге Лорана, второй — на шкафу. Если поднять, шкаф мог провалиться в дыру и утянуть балку.

Сем принёс две жерди от носилок. Одну просунули под балку рядом с ногой, другую положили поперёк крепких досок у стены как опору. Получился рычаг. Рет держал канат, обёрнутый вокруг дальнего конца балки, чтобы та не соскользнула в пролом.

— Поднимаем на ширину ладони, — сказал Илья. — Не больше.

Лоран закусил край одеяла. Сем надавил на жердь. Балка поднялась. Илья вытащил ногу старика и сразу отпустил рычаг. Шкаф качнулся, но остался.

Ногу пришлось закрепить двумя обломками доски. Лорана опустили через окно на раме. Двое солдат приняли носилки на телеге и передали вниз. Через несколько минут двор опустел.

Только тогда Илья услышал, что колокол продолжает звонить. Уже не три раза, а беспорядочно: кто-то наверху бил, требуя помощи или подавая новый знак. Снизу нельзя было понять.

Рема вернулась с крыши злая, с пылью на волосах.

— Наблюдатель у колокола видел выстрел, — сказала она.
— Наблюдатель на башне видел направление. Они закричали одновременно. Звонарь решил, что три удара означают угрозу нижним улицам.

— А что они должны означать?

— Приготовиться к удару.

— Кому?

— Всем, кто слышит.

— Часть Медной улицы услышала два.

— Значит, плохо слушали.

Нори подбежала с дощечкой, на которой мелом были проведены короткие черты.

— У западной арки слышали три. У лавки Хары — два. У красильни говорят, было четыре. На Глиняном спуске не

слышали ничего, там стучат в мастерских.

Рема посмотрела на неё.

— Когда ты успела?

— Пока они слушали колокол, я спрашивала.

— Четыре быть не могло.

— Был отзвук от внутренней стены, — сказал старик, сидевший возле лавки. — Последний удар вернулся.

— Отзвук не удар.

— А ухо знает?

Илья поднял голову к башне. Между ней и Медной улицей стояли каменные дома разной высоты. Переулки превращали звук в воду: где-то он проходил свободно, где-то разбивался, где-то возвращался от стены. Ветер тянул с реки к востоку. Человек на крыше слышал не то же, что человек внизу.

— Когда придумали три удара? — спросил Илья.

— Ещё до осады, — ответила Рема. — Один — пожар. Два — открыть дорогу военным. Три — укрыться от метателя. Частый звон — к стенам всем, кто способен носить оружие.

— Один колокол на весь нижний город?

— Три. Этот, у речной площади и возле старой пекарни.

— Они повторяют друг друга?

— Если слышат.

— А если один звонарь слышит отзвук как четвёртый удар?

Рема не ответила.

Дорн запретил звон для спасательных звеньев не из упрямства. Сигналы уже принадлежали гарнизону и уже путались. Добавить к ним новые значило сделать шум громче.

— Проверим каждый участок, — сказал Илья. — Не на слух одного человека. Поставим людей у башен, на крышах, во дворах и в мастерских. Дадим один, два, три удара с одинаковыми промежутками. Запишем, кто что услышал.

— Сейчас? — спросила Рема. — Во время обстрела?

— Сейчас люди и так ждут следующего сигнала. Если ударов не будет, мы потеряем час. Если будут настоящие, не отличим проверку.

— Тогда после заката.

Нори покачала головой.

— Ночью ветер с реки сильнее.

— Откуда знаешь?

— Я бегаю здесь каждый день.

— Дважды, — сказал Илья. — До заката и после. Но сначала договоримся: во время проверки никто не прячется и не выходит к стене по одному звуку. По улицам заранее пройдут люди и скажут, что это проверка.

Рема скрестила руки.

— Ты просишь колокола гарнизона.

— Я прошу узнать, работают ли они.

Сотница посмотрела на повреждённый дом, на белые меловые стрелы и на носилки со стариком, которые уносили к

лечебному двору.

— Один час до заката. Я дам звонарей. Если начнётся настоящий обстрел, проверка прекращается.

— И настоящий сигнал передают частым непрерывным звоном, — предложил Илья. — Только на время проверки.

— Частый звон зовёт к стенам.

— Тогда удар и два быстрых следом. Такого знака сейчас нет?

— Нет.

— Он будет означать: проверка кончилась, слушать глашатаев.

— Не придумывай ещё один знак, чтобы проверить старые.

Нори подняла руку, словно на уроке.

— Пусть при настоящем камне с башни вывесят красное полотнище.

— В сумерках не увидят, — сказала Рема.

— Тогда звонарь бросит вниз горшок, а человек у двери побежит к соседней башне.

— Хорошими горшками бросаться не дам, — заявил Сем.

Спор оборвал второй удар метателя с холма. На этот раз колокол не зазвонил. Все смотрели вверх, пока камень падал далеко за внутренней стеной.

— Вот, — тихо сказала Нори. — Мы увидели. Нижние дворы — нет.

Рема провела ладонью по лицу.

— Настоящий удар во время проверки — три частых звона, пауза, три частых. Я поставлю у каждого колокола солдата. Если кто-то самовольно ударит, отправится копать ров.

— А глашатаи скажут людям правило до начала, — добавил Илья.

— Глашатаев найдёшь сам.

Нори уже улыбалась.

Она собрала не взрослых мужчин с громкими голосами, как ожидал Илья, а тех, кто обычно ходил по кварталам: двух разносчиц хлеба, водовоза, старика-точильщика, троих учеников писцовой школы и женщину, продававшую горячую похлёбку. Их знали в лицо. Им открывали двери. Они умели повторять одно и то же десятки раз, не превращая сообщение в собственную историю.

Илья заставил каждого произнести правило.

— До заката колокола проверяют, — сказал водовоз. — Услышишь удары — стой где стоишь.

— Не стой где стоишь, если стоишь под повреждённой стеной, — поправил Илья.

— Тогда что говорить?

Нори предложила:

— «Это проверка. Не меняйте работу из-за числа ударов. Если будет опасность, услышите три быстрых, пауза, ещё три, а потом человек скажет, куда идти».

— Слишком длинно, — сказала разносчица.

— «Проверяем звон. На обычные удары не беги. Опас-

ность — три быстро, три быстро. Потом слушай человека», — сократил точильщик.

Так и оставили.

Нори нарисовала нижний город на обороте старой ведомости. Не улицы целиком, а точки: колокольни, закрытые дворы, шумные мастерские, глубокие подвалы, крыши. Она расставила наблюдателей парами. Один слушал, второй записывал, не совещаясь заранее. Илья добавил условие: после каждой серии они должны показать число пальцами одновременно. Иначе первый уверенный ответ заразит второго.

Лин попросился на красильный ряд.

— Там Тей, — сказал он. — И я знаю крышу.

— На крышу не полезешь. Слушаешь во дворе.

— А на крыше кто?

— Взрослый.

— Взрослый скажет, что слышно сверху. А снизу кто скажет?

Илья согласился. Лин получил место во дворе и красную нитку на запястье, чтобы наблюдатели не приняли его за посыльного и не отправили с поручением.

Первую серию дали с башни у штаба. Один удар.

Илья стоял на Глиняном спуске. Звук пришёл ясный, но почти одновременно в кузнице у соседнего двора молот ударил по металлу. Хара подняла два пальца. Сем — один. Нори ничего не подняла: она считала ответы.

Вторая серия — два удара с долгим промежутком. Первый

услышали все. Второй утонул в крике возчика.

Третья — три ровных. На этот раз ветер усилился. Илья услышал первый и третий; средний показался продолжением гула.

После каждой серии посыльные приносили дощечки. Картина получалась хуже, чем он думал. Рядом с башней сигналы различали почти все. В двух дворах за домом красильщика один удар раздваивался. У реки звон штаба смешивался с колоколом речной площади. В мастерских не слышали ничего, если работали молоты и круги. В подвалах слышали гул, но не число. На крыше звук был яснее, зато наблюдатель не слышал криков с улицы.

— Значит, колокол бесполезен, — сказала Рема, когда они разложили ведомости на бочке.

— Нет. Он хорошо говорит: «обрати внимание», — ответил Илья. — Плохо говорит, что именно случилось.

— Три удара веками означали камень.

— Для тех, кто услышал три.

Сотница ткнула в дощечку.

— Здесь восемь человек из десяти слышали правильно.

— Двое побегут не туда. На улице из ста человек — двадцать. Этого хватит, чтобы забить проход.

— Если ждать глашатая, камень уже упадёт.

— Поэтому колокол должен заставить поднять голову и найти ближайшего наблюдателя. Наблюдатель не просто звонит. Он показывает направление и отправляет людей в кон-

кретные укрытия.

— Флагами?

— Днём — может быть. Но не одним флагом на весь квартал. Человек на каждой крыше передаёт вниз.

Нори разложила на бочке три куса ткани: белый, чёрный и полосатый красный.

— Белый видно на тёмной крыше, — сказала она. — Чёрный — на небе. Красный — на серой стене. Наблюдатель выбирает тот, который видно с его двора.

— А что означает цвет? — спросил Сем.

— Ничего. Только «смотри сюда».

Илья улыбнулся. Девочка сама пришла к тому же правилу, что Мев с канатами: знак не должен обещать больше, чем может передать.

— А дальше наблюдатель кричит человеку внизу, — продолжила Нори. — «Камень к Медной», «огонь у реки», «дорогу солдатам». Если снизу не слышат, повторитель стоит у лестницы и несёт слова во двор.

Рема взяла красную ткань.

— Красное полотнище противник увидит.

— Тогда возле стены только чёрное ниже края крыши, — сказала Нори. — С холма не видно, со двора видно.

— Ты уже лазила туда и проверяла?

Девочка промолчала.

— Нори, — сказал Илья.

— Только на одну крышу.

— Мы договаривались.

— Мы договаривались, что я не придумаю тайную войну. Это не война, а крыша.

— Крыша после обстрела.

Она опустила глаза.

Илья хотел запретить ей участвовать дальше. Это было бы легко, быстро и почти бесполезно. Нори всё равно знала крыши лучше взрослых и всё равно полезла бы туда, если увидит необходимость. Значит, требовалось не оттолкнуть, а ограничить риск.

— На повреждённую крышу без осмотра Сема или плотника не выходишь. Никогда одна. Путь наверх и путь вниз проверяются до дежурства. Если начинается удар, наблюдатель не стоит на гребне и не смотрит на камень — уходит за стену. Повтори.

Она повторила дословно.

— И если я нарушу?

— Не будешь наблюдателем.

Это подействовало сильнее угрозы наказания.

До ночной проверки оставался час. Его потратили на выбор крыш. Нори знала дворы, Сем проверял балки, Рема отмечала места, видимые с вражеского холма. На каждом участке назначили трёх человек: наблюдатель наверху, повторитель у лестницы, посыльный во дворе. Ни один не должен был угадывать смысл звона. Колокол только привлекал внимание; слова шли по цепи.

Первое испытание провели без колокола. Рема подняла на башне чёрную ткань и крикнула:

— Камень к Медной улице! Укрыться в северных дворах!

Повторитель на соседней крыше передал: «Камень к Медной! В северные дворы!» Через два переулка слова превратились в: «Камень на Медной! Все во дворы!» Ещё дальше посыльный закричал: «Медная разрушена!»

Люди выбежали смотреть.

— Прекратить! — крикнул Илья.

Нори собрала повторителей у бочки.

— Нельзя передавать длинную фразу, — сказала она. — Только место и действие.

— «Медная. Северные дворы», — предложил Лин.

— А что на Медной? — спросил Рет. — Пожар, камень, солдаты?

— Для действия неважно, — ответил Илья. — Если задача одна — уйти в северные дворы.

— Важно тем, кто несёт воду, — возразила Хара.

— Тогда два сообщения. Сначала действие: «Медная — в северные дворы». Потом причина: «Камень». Никто не ждёт второго, чтобы начать двигаться.

Они повторили. На этот раз через пять дворов дошло: «Медная — северные дворы. Камень». Коротко, без красивых слов, зато без мёртвых людей в придуманной разрушенной улице.

Ночью ветер действительно усилился. Факелы гнуло к во-

стоку, дым из печей стелился над крышами. Первый удар речного колокола до Глиняного спуска не дошёл. Второй они слышали как далёкий гул. Третий прозвучал ясно, потому что ветер на миг стих.

Если бы люди ждали определённого числа, каждый получил бы свой приказ.

Но после первого неясного гула наблюдатели уже выглянули из укрытий. На речной башне поднялась белая ткань. Повторитель у пекарни увидел её, махнул своей и крикнул вниз:

— Речная площадь — оставаться под крышами. Проверка!

Слова прошли три двора без искажений.

Потом Рема изменила задачу, не предупредив Илью. Вместо условного камня велела передать пожар у красильни и требование принести мокрый войлок, но не воду.

Первый повторитель сократил правильно. Второй добавил воду по привычке. Третий уже звал всех с вёдрами.

Тей, стоявшая у своего двора, остановила посыльного.

— Кто сказал про воду?

— С крыши.

— Кто именно?

Они поднялись по цепочке и нашли ученика сапожника. Тот признался, что не расслышал последнее слово и решил добавить разумное.

— Разумное для обычного огня, — сказала Тей. — В кра-

сильне вода может разнести горящее масло.

Мальчик побледнел.

— Я хотел помочь.

— Поэтому, если не расслышал, говоришь: «Не понял. Повтори», — сказал Илья. — Не угадываешь. Никогда.

— А если времени нет?

— Тогда передаёшь только то, что понял точно: место. Люди у места знают свой огонь лучше тебя.

На третьей проверке посыльный у пекарни не расслышал действие и передал: «Глиняный спуск. Сообщение не понял». Хара вышла к бочке, но не открыла её. Повторитель снова поднял ткань, запросил слова, и через полминуты пришло: «Глиняный спуск — освободить дорогу».

Полминуты казались долгими. Но ложная толпа с вёдрами задержала бы улицу дольше.

Под конец Рема дала настоящий старый сигнал — три ровных удара с башни штаба — и отправила солдат считать реакцию. Большинство жителей уже не пыталось сосчитать. Они искали ближайшую ткань или знакомого посыльного. Там, где наблюдателя не было, люди всё ещё спорили: два удара прозвучало или три.

— Значит, нам не хватает крыш, — сказала Нори.

— Нам не хватает людей, — поправил Рет.

— Людей в городе много.

— Людей, которые простоят всю ночь на холоде и не уснут, меньше.

Они составили смены по два часа. Пекари брали время перед рассветом, когда всё равно разжигали печи. Прачки — раннее утро. Ученики мастерских дежурили до закрытия дворов. Ночные часы оставались за солдатами и взрослыми добровольцами. Нори хотела первую ночную смену, но получила вечернюю и рассветную только со взрослым напарником.

— Ты обещал, что жители выбирают сами, — напомнила она.

— Свою ответственность — да. Я отвечаю за то, что поставил пятнадцатилетнюю на разбитую крышу ночью.

— Мне почти шестнадцать.

— Крыше всё равно.

Она ушла недовольная, но не спорила дальше.

Рема отнесла результаты в штаб. Вернулась через четверть часа вместе с Дорном. Полководец поднялся на безопасную крышу у Глиняного спуска, выслушал три серии колокола и лично спустился во двор красильни. Наверху он различил все удары. Внизу, рядом с работающим кругом, не различил ни одного.

Тей не останавливала круг нарочно.

— Во время обстрела работа прекращается, — сказал Дорн.

— Если мы узнаем об обстреле, — ответила она.

Он посмотрел на полосы ткани у лестницы.

— Сколько наблюдателей нужно?

Нори протянула список.

— Двадцать четыре места, по три человека в смене, шесть смен. Но один человек может быть посыльным для двух соседних дворов, если проход открыт. Тогда триста двадцать восемь смен в сутки.

— Я спросил людей, а не смены.

— Если каждый дежурит один раз — столько же. Если по два раза, сто шестьдесят четыре. Но ночью не всех можно ставить.

Дорн быстро просмотрел список.

— У меня нет ста шестидесяти четырёх солдат.

— А солдаты не нужны везде, — сказала Нори. — Здесь пекарь. Здесь Хара. Здесь Мев поставит ученика. На крышах возле стены — ваши люди, потому что они знают, что нельзя показывать врагу.

— Кто ими командует?

Илья ждал этого вопроса.

— На каждой улице выбирают старшего смены. Нори собирает карту мест и расписание. Рема определяет запретные крыши и получает сведения о военных сигналах. Я обучаю правилу: знак привлекает внимание, слова называют место и действие, непонятое не угадывают.

— Пятнадцатилетняя девочка собирает расписание оповещения города?

— Я уже собрала, — сказала Нори.

Дорн поднял бровь.

— И умеешь читать все эти имена?

— Лучше двух ваших писарей. Один пишет «Хара» через другой знак каждый раз.

Полководец посмотрел на писаря, который сопровождал его. Тот покраснел.

— До утра система действует в нижних кварталах, — решил Дорн. — Рема проверит места. Завтра, если не будет провала, расширим к внутренней стене. Военные приказы имеют первенство.

— Нет, — сказал Илья.

Дорн устало прикрыл глаза.

— Снова?

— Военное сообщение может быть первым по времени. Но если на улице уже горит дом, наблюдатель не должен замолчать из-за движения отряда. Он передаёт оба: сначала немедленное действие, потом второе.

— А если решит, что пожар важнее ворот?

— Не решает, что важнее. Говорит людям, что происходит. «Красильня — мокрый войлок. Медная — освободить дорогу». Два разных действия не обязаны убивать друг друга.

Дорн посмотрел на Тей.

— Сможешь тушить и не перекрыть Медную?

— Если ваши телеги не полезут через красильный двор.

— Не полезут.

— Тогда смогу.

— Передавать оба, — согласился Дорн. — Но ложный военный приказ карается как помощь врагу.

— Ложное сообщение об огне тоже может убить, — сказала Нори.

— Значит, карается.

— Ошибка и ложь — не одно, — возразил Илья. — Того, кто не расслышал и честно запросил повтор, нельзя наказывать. Иначе все начнут угадывать, лишь бы не признаться.

Полководец помолчал.

— Намеренная ложь карается. Ошибка разбирается Ремой и старшим улицы.

Это было больше, чем Илья ожидал получить за один вечер.

Дорн ушёл в штаб. Рема забрала список запретных крыш. Сем повёл людей укреплять лестницы. Хара заперла бочку и передала ключ дочери на первую половину ночи.

Илья остался у красильни с Нори. Девочка сидела на перевёрнутой корзине и переписывала мокрую ведомость начисто. В строках стояли не только имена. Возле одного она отметила: плохо слышит левым ухом. Возле другого: боится высоты, ставить во двор. Возле третьего: знает все проходы к реке.

— Ты делаешь карту людей, — сказал Илья.

— Пока только тех, кто дежурит.

— Этого уже больше, чем карта крыш.

Она пожала плечами.

С башни донёлся одиночный удар. Потом второй. Потом пауза.

Нори не считала. Она посмотрела на ближайшую крышу.

Там поднялась белая ткань. Повторитель наклонился к лестнице и крикнул:

— Речная площадь — закрыть ставни. Осколки со стены!

Посыльный повторил слова во дворе. Люди закрыли ставни, отошли от окон и продолжили работу. Никто не побежал к реке смотреть, никто не понёс воду туда, где её не просили.

Через минуту над крышами просвистели мелкие камни, сбитые с зубцов стены далёким попаданием. Они застучали по черепице и не ранили никого.

— Два удара, — сказал Лин, появившийся из темноты.

— Я слышала один, — ответила Нори.

— А я три, — сказала Тей из мастерской. — Один был молотком.

Нори вывела в ведомости последнюю строку.

— Неважно, сколько, — сказала она. — Мы посмотрели на человека.

Глава 7. Вода ниже площади

К утру пожарные бочки опустели наполовину, хотя ночью не было ни одного большого пожара.

Илья обнаружил это у лавки Хары. На рассвете она открыла оба замка, сняла с горловины мокрое полотно и опустила внутрь мерную палку. Тёмная полоса остановилась ниже вчерашней зарубки на две ладони.

— Кто брал? — спросил Рет.

Хара повернула к нему палку.

— Если бы брали, замок был бы открыт. Ключ ночью был у моей дочери, второй у Ремы.

— Значит, дочь открывала.

— Скажи это ей в лицо. Только сперва выбери, какой рукой будешь есть после разговора.

Рет покосился на широкие плечи Хары и присел возле бочки. Под днищем темнела земля, но явной лужи не было. Илья провёл пальцами по нижнему обручу. Дерево оставалось холодным и мокрым. Вода уходила не струей, а просачивалась по клёпкам, впитывалась в утоптанную глину и исчезала прежде, чем кто-нибудь замечал.

Вторая бочка текла у пробки. Каждая капля казалась пустяком. За ночь пустяки сложились в несколько десятков ведёр.

— Подобьём клёпки, — сказал Рет.

— И переставим на камень, — ответил Илья. — Чтобы утечку было видно. Но дело не только в бочках.

У соседнего двора уже стояла очередь. Люди пришли с кувшинами после утреннего разрешения Хары: одна кружка на человека для питья, пока районный колодец мутный от вчерашнего удара. Женщина впереди держала два кувшина и спорила, что дома лежит больная мать. За ней пекарь требовал воду для закваски. Мальчик лет семи обнимал медный горшок и всё время заглядывал внутрь, словно там могла появиться вода от одного ожидания.

Хара мерила не просьбы, а сосуды. Больной дала две кружки и отметила углём дверной знак. Пекарю отпустила ведро под расписку хлебом. Мальчику наполнила горшок лишь до половины, чтобы не расплескал.

С каждым наклоном ковша уровень падал.

— На сколько хватит? — спросил Илья.

— Пить — до завтрашнего полудня. Если загорится дом — до первого дома.

— В нижнем городе восемь тысяч человек.

— Может, девять. Никто не считал тех, кто пришёл от стены.

— А колодцы?

— Три горчат. Два засыпало. У пекарни вода чистая, но там очередь до Медной. Ещё речная, если хочешь поить людей тем, что плывёт от лагеря осаждающих.

Ада появилась со стороны лечебного двора. Она шла без

палки, но всё ещё берегла повреждённую лодыжку и сердито косилась на каждого, кто замечал хромоту. На плече висела сумка, в руках она несла две глиняные чаши. В одной вода была прозрачная, во второй — желтоватая.

— Это из колодца у пекарни, — сказала она. — Прозрачная сверху. Жёлтая после того, как зачерпнули со дна.

Илья понюхал обе. Явной разницы не было.

— Что с людьми?

— Пока ничего. Но после попадания вода стала мутной. Можно ждать, пока половина улицы заболит, а потом выяснять причину.

— Кипятить.

— На каком топливе? Дрова гарнизон считает так же, как воду. И сколько часов ты будешь кипятить кувшины для десяти тысяч?

Она говорила не с насмешкой, а как человек, который уже пересчитал очаги, котлы и руки. Илья кивнул. Знакомый совет оказался правильным для одной семьи и почти бесполезным для квартала под осадой.

— Ты вчера сказала о старых цистернах.

— Сегодня я могу показать.

— Почему сегодня?

Ада поставила чаши на крышку бочки.

— Потому что вчера у тебя были колокола, падающий дом и приказ Дорна. А сегодня в лечебном дворе осталось шесть полных кувшинов. Выбирай объяснение, которое тебе боль-

ше нравится.

Хара услышала их и перестала наливать.

— Цистерны сухие.

— Ты видела? — спросила Ада.

— Мой отец говорил.

— Твой отец умер двенадцать лет назад.

— Вода от этого не прибыла.

— А у моего отца был ключ от нижнего лазаретного хода.

Он водил меня туда, когда я была девочкой. В дальней камере вода стояла по пояс.

— Тогда почему мы пьём из дырявых бочек?

— Потому что вход завалили, а второй выходит под военным двором.

Рет выпрямился.

— Под каким именно?

— Под тем, где держат обозные цистерны и бронзовые за-
творы.

— Значит, туда нельзя.

— Значит, сначала пойдём с нашей стороны, — сказал
Илья.

Он попросил Хару не выдавать остаток второй бочки до полудня, кроме лечебного двора и питья. Хара согласилась лишь после того, как Рет обещал принести две пустые бочки со склада и плотника для клёпок. Обещание она записала углём прямо на его наруче.

Нори нашла Сема возле гончарной мастерской. Он как раз

менял треснувшее седло на носилочной раме и сначала отказался идти.

— Под землёй от меня пользы меньше, чем от крота, — сказал он. — Я там всё равно ничего не вижу.

— Нужен человек, который понимает глину и трубы, — ответила Ада.

— Трубы понимаю. Старые камни — нет.

— Поэтому камни смотрит Илья. Ты смотришь то, что между ними.

Сем взял молоток, деревянный щуп и моток промасленной пакли. Нори принесла две лампы и верёвку с узлами. Илья велел ей остаться наверху.

— Почему?

— Не знаем воздух, глубину, состояние свода и воду.

— Зато я знаю, где второй выход.

Ада удивлённо посмотрела на неё.

— Откуда?

— В прошлом году мы с Паком искали место, где прятать яблоки от сборщика. Под военным двором есть решётка. Она тянет воздух, даже когда ветра нет.

— Внутрь лазили?

— Решётка узкая.

— Это не ответ, — сказал Илья.

— Не лазили. Пак застрял плечами.

Сем фыркнул.

— Теперь я спокоен. У разведки города всё продумано.

Илья всё равно оставил Нори снаружи. Её знание использовали иначе: она нарисовала путь к решётке и осталась у входа вместе с Лином. Если через условленное время группа не вернётся или верёвка даст три медленных рывка, дети должны были позвать Мева, Рета и Аду — но Ада заявила, что идёт вниз.

— У тебя нога.

— У меня больные, которым нужна вода.

— Если подвернёшь её снова, больных станет больше на одну лекарку.

— Поэтому я не полезу первой и не понесу груз. Но ход знаю я.

Спорить дальше означало отнимать время. Илья проверил повязку на её лодыжке, укоротил шаг страховочной петли и договорился: любое усиление боли — она возвращается с Семом. Ада согласилась слишком быстро, и он понял, что выполнять уговор она будет лишь до тех пор, пока сочтёт его разумным.

Вход находился под старой баней лечебного двора. Печь давно разобрали на кирпичи, а в углу лежали сломанные тазы и мешки с золой. Ада отодвинула деревянный щит. За ним открылась низкая арка, наполовину заложённая камнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.